

ХОЛМКО-ВАРШАВСКИЙ ЕПАРХИАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ ХОЛМКО-ВАРШАВСКОЙ АРХІЕПИСКОПСКОЙ КАМЕРАЛѢ.

Адресъ Редакціи:

Долгая улица № 13, въ зданіяхъ Варшавскаго Каоедра-
льнаго Собора при Консисторіи.

Годовая цѣна—5 р. с.

Выходить два раза въ мѣсяцъ: 1-го и 15-го числа.

ОТДѢЛЪ I.

ВЫШІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

УКАЗЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА,
САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКАГО,

изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода,

О прекращеніи молебствій, совершавшихся въ дни спасенія
жизни въ Бозѣ почившаго Государя Императора
Александра Николаевича.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшей Правительствующей Синодъ, разсмотрѣвъ возбужденный однимъ изъ Епархіальныхъ Преосвященныхъ вопросъ: въ виду послѣдовавшей 1 марта сего года кончины въ Бозѣ почившаго Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича, слѣдуетъ ли на будущее время продолжать совершеніе въ 4-й день Апрѣля крестнаго хода и благодарственного Господу Богу молебствія, установленнаго въ 1866 году, по случаю чудеснаго спасенія въ тотъ день жизни въ Бозѣ почившаго Государя Императора? Приказалъ: За послѣдовавшею въ 1 день марта сего года кончиною въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича, какъ установленное въ 1866 г. повсемѣстное совершеніе молебствій въ 4-й день апрѣля, такъ и совершающіяся въ другіе дни: 2-го апрѣля, 19 ноября и 6 февраля,

по частнымъ разрѣшеніямъ Святѣйшаго Синода, въ разныхъ церквахъ молебствія въ память спасенія въ тѣ дни жизни въ Бозѣ почившаго Государя Императора на будущее время прекратить. О чемъ объявить по духовному вѣдомству циркулярными указами, апрѣля 24 дня 1881 года.

Изъ отчета г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода
за 1879 годъ.

Православныя братства и церковно-приходскія попечитель-
ства въ холмско-варшавской и западныхъ епархіяхъ.

Поддержанію православныхъ церковныхъ школъ и разви-
тію народнаго образованія въ духѣ православія въ холмско-
варшавской и западныхъ епархіяхъ продолжали содѣйство-
вать существующія тамъ православныя братства и церков-
но-приходскія попечительства, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ
принимали живое участіе въ благоустроеніи св. храмовъ и
вообще стремились, по мѣрѣ своихъ средствъ, служить на
пользу церкви православной. Въ холмско-варшавской епар-
хіи, въ концѣ 1879 года, попеченіемъ преосвященнаго возоб-
новлено древнеебратство при холмскомъ кафедральномъ соборѣ,
подъ именемъ „Свято-Богородицкаго“. Первоначальное
учрежденіе этого братства относится къ 1617 году, какъ
можно заключать по сохранившейся доселѣ грамотѣ епископа
Арсенія Андреевскаго (отъ 30-го іюля того года), давшаго
благословеніе на его открытіе. Слѣды первоначальной его дѣ-
тельности исчезли подъ напоромъ враждебныхъ православію
элементовъ и въ особенности подъ влияніемъ монаховъ бази-
льянскаго ордена, основавшихъ при холмской соборной цер-
кви свой монастырь и овладѣвшихъ ею вмѣстѣ со всею ея
имуществомъ; тѣмъ не менѣе братство существовало до воз-
соединенія уніатовъ съ православіемъ и послѣ онаго, хотя

число его членовъ состояло лишь изъ нѣсколькихъ холмскихъ горожанъ—хлѣбопашцевъ, а признаки существованія проявлялись лишь въ поддержаніи обычая, въ силу котораго братчики участвовали въ церковныхъ процессіяхъ съ зажженными братскими свѣчами. Признавая пользу возстановленія братства въ г. Холмѣ—центрѣ церковно-религіозной жизни холмской Руси, — преосвященный холмско-варшавскій въ день храмоваго праздника холмскаго собора, 8-го сентября отчотнаго года, обратился на литургіи къ многочисленнымъ богомольцамъ, наполнявшимъ храмъ, съ словомъ по этому предмету. Архипастырское слово принято было съ полнымъ сочувствіемъ и въ тотъ же день присутствовавшими на храмовомъ праздникѣ собрано было на дѣла возстановляемаго братства до 1,200 руб., каковая сумма въслѣдствіи увеличилась взносами отъ другихъ, многогородныхъ, ревнителей православія. Затѣмъ былъ составленъ и, по сношеніи съ гражданскою властію, утвержденъ преосвященнымъ уставъ братства. Назначеніе братства, по уставу, состоитъ въ томъ чтобы содѣйствовать укрѣпленію православія въ епархіи, преимущественно между возсоединившимся изъ уни населеніемъ, и въ этихъ видахъ братство имѣетъ заботиться: а) о подъемѣ религіознаго сознанія чрезъ распространеніе въ православномъ населеніи епархіи Библии на русскомъ языкѣ, книгъ и брошюръ религіознаго содержанія, а также чрезъ изданіе сочиненій, имѣющихъ мѣстный интересъ, т. е. на правленныхъ къ разсвѣнію заблужденій, сложившихся во времена уни подъ вліяніемъ латинско-польской пропаганды; б) о снабженіи храмовъ иконами и церковною утварью, о распространеніи иконъ православной живописи въ частныхъ домахъ и улучшеніи церковнаго ибнія въ приходскихъ храмахъ. Дабы пріобрѣсть въ народѣ возможно-большее число членовъ, братчикомъ признается всякое лицо, которое словесно или письменно заявитъ о своемъ желаніи вступитъ въ члены и сдѣлаетъ какой либо добровольный взносъ. Другое ранѣе возстановленное братство въ холмско-варшавской епархіи, именно Николаевское, въ г. Замостьѣ, люблинской губерніи, въ отчотномъ году сосредоточивало свои заботы главнымъ образомъ на открытомъ имъ пріютѣ для воспитанія крестьянскихъ дѣтей. Пріютъ этотъ имѣлъ лишь 12 питомцевъ; но, по отзыву преосвященнаго, онъ уже получилъ прочную организацію. Соответственно главному назначенію дѣятельности Свято-Николаевскаго братства—служить усиленію православнаго элемента въ краѣ, при воспитаніи въ пріютѣ обращено особое вниманіе на развитіе религіозно-нравственнаго чувства въ питомцахъ и на сродненіе ихъ съ православною церковностію,—дабы они по возвращеніи на родину, могли сдѣлаться въ этомъ отношеніи хорошимъ образцомъ для своихъ односельчанъ. Братство выполняло, по мѣрѣ своихъ средствъ, и другія задачи своей дѣятельности. Такъ, озабочиваясь благоустройствомъ братской церкви, оно исходатайствовало пособие изъ церковно-строительныхъ суммъ и устроило вокругъ церкви новую ограду на каменномъ фундаментѣ и такихъ же столбахъ. Нѣкоторыя церкви въ возсоединенныхъ приходахъ снабжены отъ братства пожертвованными ему тайнымъ совѣтникомъ Батюшковымъ и другими благотворителями церковными принадлежностями. Наконецъ братство въ отчотномъ году устроило въ своемъ домѣ магазинъ для склада и продажи книгъ, иконъ, крестиковъ, церковныхъ свѣчей, ладона и проч.

ОБЪЯВЛЕНІЯ И ИЗВѢСТІЯ.

1. Назначеніе новаго благочиннаго въ I бѣльскій округъ, перемѣщеніе священника изъ Ломазъ въ с. Потуржинъ и назначеніе настоятеля въ с. Перстунъ.

Архипастырскою Его Высокопреосвященства резолюціею 5-го минувшаго мая б. благочинный I бѣльскаго округа настоятель ломазской церкви кандидатъ богословія священникъ Прокль Гомелля, согласно его прошенію, перемѣщенъ на открывшуюся по смерти протоіеря Северіана Уляницкаго настоятельскую вакансію въ с. Потуржинъ II томашовскаго округа. Благочиннымъ I бѣльскаго округа назначенъ настоятель бѣльскаго собора протоіерей Аполлиарій Ковальницкій съ отчисленіемъ бѣльскихъ церквей — какъ сборной, такъ и Кирилло-Меодіевской отъ сѣдлецкаго округа и съ присоединеніемъ ихъ къ I бѣльскому округу. Другою Архипастырскою резолюціею тогоже 5 мая б. помощникъ настоятеля кодевскаго прихода священникъ Емельянъ Стельмаховъ назначенъ настоятелемъ прихода въ с. Перстунъ сувалкескаго округа.

2. Утвержденіе въ должности церковнаго старосты.

Избранный причтомъ и прихожанами ломжинской таможенной церкви на должность церковнаго старосты офицеръ для порученій при верждоловской бригадѣ пограничной стражи капитанъ Михаилъ Васильевичъ Шкура Архипастырскою Его Высокопреосвященства резолюціею 28 марта сего 1881 года на журналѣ консисторіи утвержденъ въ означенной должности на первое трехлѣтіе.

3. Къ свѣдѣнію духовенства относительно выписей изъ актовъ гражданскаго состоянія.

По распоряженію епархіальнаго начальства объявляется духовенству холмско-варшавской епархіи къ свѣдѣнію и должному исполненію ниже-слѣдующее отношеніе въ консисторію председателя мирового съѣзда 2-го округа сувалкской губерніи отъ 22-го апрѣля сего 1881 года:

Изъ обозрѣнія дѣлъ гражданскихъ и о раздѣлѣ наслѣдствъ, каковыя дѣла производятся въ гминныхъ судахъ и у мировыхъ судей,—оказывается, что во второмъ судебно-мировомъ округѣ Сувалкской губдрни заключающемся уѣзды — Владиславовскій, Волковышскій и Маріампольскій, водворилась неправильная практика, по которой названные суды приимають отъ тяжущихся,—вмѣсто формальныхъ и подробныхъ выписей изъ актовъ гражданскаго состоянія, — лишь краткія свидѣтельства, каковыя выдаются бесплатно и могутъ быть принимаемы лишь для приложенія къ книгамъ народонаселенія и къ дѣламъ по отбыванію воинской повинности. Такія свидѣтельства обыкновенно и выдаются на печатныхъ бланкахъ. Кроме того; иногда при дѣлахъ уе-матриваются подобныя же краткія свидѣтельства за подписями и печатами чиновниковъ, ведущихъ книги актовъ гражданскаго состоянія, на каковыхъ свидѣтельствахъ сверху написано: „для собственнаго употребленія.“ Такія свидѣтельства отнюдь не должны быть выдаваемы, такъ какъ выдачи такихъ свидѣтельствъ законъ не установилъ. Наконецъ иногда при дѣлахъ попадаются еще подробныя выписи изъ книгъ актовъ гражданскаго состоянія, но писанныя вмѣсто гербовой на простой бумагѣ съ надписью: „предостерегается употребленіе гербовой марки въ 15 копѣекъ“. Этотъ способъ выдачи свидѣтельствъ не правиленъ, такъ какъ по Уставу о гербовомъ сборѣ акты, исходящіе отъ подлежащихъ чиновниковъ, должны быть писаны на гербовой бумагѣ и уплата гербовой пошлины не можетъ зависѣть отъ воли тѣхъ лицъ, коимъ выданы свидѣтельства. Хотя

Мировой Съездъ и сдѣлалъ уже распоряженіе о томъ, чтобы гминные суды и мировые судьи принимали къ дѣламъ лишь надлежаще выданныя выписи актовъ гражданского состоянія, а о случаяхъ нарушенія чиновниками правилъ гербового устава доводили до свѣдѣнія подлежащаго ихъ начальства; но вмѣстѣ съ тѣмъ Мировой Съездъ въ видахъ устраниенія, — для большинства народонаселенія по преимуществу не грамотнаго и не знакомаго съ законами, — не удобствъ сопряженныхъ съ измѣненіемъ установившейся въ судахъ неправильной практики по принятію краткихъ метрическихъ свидѣтельствъ, призналъ необходимымъ обратиться въ Духовную Консисторію съ просьбою сдѣлать циркулярное распоряженіе, чтобы чиновники, ведущіе книги актовъ гражданского состоянія, въ случаѣ требованія отъ нихъ безидатныхъ свидѣтельствъ, имѣющихъ значеніе лишь для книгъ народонаселенія и для отбыванія воинской повинности, объясняли требующимъ, что таковыя свидѣтельства не будутъ принимаемы отъ нихъ въ судѣ и что для суда имъ слѣдуетъ брать надлежащія выписи актовъ гражданского состоянія. Равнымъ образомъ Духовная Консисторія не откажетъ сдѣлать распоряженіе и о томъ, чтобы эти выписи выдавались не иначе какъ на гербовой бумагѣ.

4. Приемъ воспитанниковъ въ холмскую духовную семинарію на 188½ учебный годъ.

Для желающихъ поступить въ холмскую духовную семинарію, предлагаются слѣдующія свѣдѣнія: Приемъ воспитанниковъ въ холмскую духовную семинарію производится однажды въ годъ, а именно съ 1 іюля по 1 августа. Только по уваженію особенныхъ причинъ въ случаѣ открытія вакансій, могутъ быть принимаемы воспитанники и въ другое время, не иначе однако, какъ по представленію епископа и съ утвержденія Г. Оберъ-Прокурора Св. Синода. (Ист. Холм. сем. § 18. Принимаются въ семинарію ученики по опредѣленію педагогическаго совѣта семинаріи. Курсъ ученія въ холмской семинаріи раздѣляется на три года и состоитъ изъ одного общеобразовательнаго и двухъ богословскихъ отдѣленій.

Въ первое отдѣленіе принимаются воспитанники классическихъ гимназій, окончившіе съ успѣхомъ и отличіемъ VII классъ.

Во второе отдѣленіе принимаются воспитанники окончившіе IV классъ въ одной изъ духовныхъ семинарій Имперіи и удостоенные перевода въ V классъ.

Прямъ въ третье отдѣленіе приема не бываетъ. Къ предложенію на имя Ректора семинаріи должны быть прилагаемы слѣдующіе документы: а) метрическое свидѣтельство о рожденіи и крещеніи; б) свидѣтельство объ окончаніи VII класса гимназій или же IV класса одной изъ духовныхъ семинарій Имперіи; в) свидѣтельство врача о здоровомъ состояніи и привитіи оспы.

Въ холмской семинаріи полагается штатъ на 40 воспитанниковъ, изъ коихъ 20 на половинномъ, а 20 на полномъ казенномъ содержаніи. Состоящіе на половинномъ казенномъ содержаніи пользуются квартирою, столомъ, постелью, мебелью, учебными пособіями, отопленіемъ и освѣщеніемъ.

Состоящіе же на полномъ казенномъ содержаніи получаютъ кромѣ всего вышесказаннаго еще обмундировку.

Вакансій въ слѣдующемъ учебномъ году будетъ 32, изъ коихъ 12 полнаго, и 20 половиннаго казеннаго содержанія.

ОТДѢЛЪ II.

РѢЧЬ

предъ панихидою въ годовщину смерти Благочестивѣйшей Государыни Императрицы Маріи Александровны, сказанная въ Варшавскомъ кафедральномъ соборѣ 22 мая 1881 г. Высокопреосвященнымъ Леонтіемъ, Архіепископомъ Холмско-Варшавскимъ.

Братія и сестры о Господѣ!

Издревле въ православной Церкви ведется обычай совершать поминовеніе усопшихъ, между прочимъ, по прошествіи года со дня ихъ кончины. Родные, друзья, знакомые умершихъ собираются въ храмъ Божій, или на могилы близкихъ сердцу, чтобы о нихъ помолиться здѣсь.

Что лежитъ въ основѣ такого обычая? Какое къ тому побужденіе? Въ основѣ лежитъ живая съ нашей стороны увѣренность, что умершіе тѣломъ, — живутъ духомъ, по слову Господа: „вѣрующій въ Меня имѣетъ жизнь вѣчную (Іоан. 6, 47), не умретъ во вѣкъ (Іоан. 11, 26)“; несомнѣнная надежда, что разлученные съ нами смертію тѣлесною знаютъ о нашихъ молитвахъ и ощущаютъ ихъ спасительное дѣйствіе. Побужденіе къ молитвѣ за умершихъ не иное можетъ и должно быть, какъ наша любовь къ нимъ. „Любовь никогда не перестаетъ (1 Кор. 13, 8)“. Это звено, соединяющее землю съ небомъ, Церковь земную съ небесною; въ любви — союзъ между вѣрующими во Христа Спасителя на землѣ и душами, перешедшими съ вѣрою въ другой міръ.

Такъ, возлюбленные, духовное общеніе наше съ отошедшими изъ сей временной жизни въ вѣчную и возможно, и несомнѣнно, если любовь не перестаетъ въ насъ. Чѣмъ же намъ давать знать о ней разлученнымъ съ нами смертію? Молитвою о нихъ, поминовеніемъ ихъ, особенно въ нарочитые дни, по руководству Церкви.

Не сомнѣваюсь, что вы собрались нынѣ, съ годовщину смерти благочестивой Государыни Императрицы Маріи Александровны въ храмъ сей не по одному приличію и не для соблюденія только церковнаго обычая, но по любви и признательности къ усопшей Царицѣ.

Въ Божѣ почившая Государыня по справедливости украшалась на землѣ именованіемъ благочестивѣйшей. Она глубоко понимала значеніе религіи въ жизни, и въ частности важность православной вѣры и Церкви. Иностранка по происхожденію, Она, принявши православіе, до конца жизни пребыла горячею его исповѣдницею и защитницею. Умомъ и сердцемъ религіозная, — Она желала видѣть и въ другихъ благо

честіе на самомъ дѣлѣ, и Сама заботилась о распространеніи живой и дѣятельной вѣры. Общество возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ, общество миссіонерское, принесшія столько пользы для Церкви, не Ей ли обязаны своимъ началомъ, какъ главной покровительницѣ? Учрежденіе общины сестеръ милосердія не Ей ли обязано своимъ существованіемъ? Общество краснаго креста не Ея ли покровительству и заботливости обязано своимъ процвѣтаніемъ? Съ особеннымъ вниманіемъ и материнскою любовію покойная Государыня слѣдила за воспитаніемъ дѣвицъ въ многочисленныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Ея главнымъ руководствомъ, мудрымъ и христіанскимъ, воспитались цѣлыя поколѣнія матерей семействъ и наставницъ. По истинѣ велики и разнообразны заслуги усопшей Царицы для Церкви и государства.

Имѣя предъ глазами такъ много добра, сдѣланнаго въ Божѣ почившею Императрицею, не обязаны ли мы по чувству признательности молиться за Нее, какъ за общую нашу благодѣтельницу? Молитва, какъ выраженіе нашей признательной любви, есть единственное средство общенія нашего съ Ея праведною душею. — Не усомнимся въ томъ, что Она слышитъ наши молитвы и молится сама о насъ предъ Господомъ.

Молясь о покойной Государынѣ, поучимся изъ Ея примѣра ревности по вѣрѣ и благочестію, любви къ труду постоянному, заботливости о добромъ нравственномъ влияніи на другихъ, — качествамъ, которыя, особенно въ настоящее время, такъ необходимы для всѣхъ, желающихъ блага нашему отечеству.

Памяти въ Божѣ почившей Государыни Маріи Александровны.

22 мая исполнился годъ съ того роковаго дня, въ который не стало матери русскаго народа, Государыни Императрицы Маріи Александровны, почившей въ Божѣ тихо, безъ агоніи, на 56 году отъ рожденія. Ея ужъ нѣтъ, но память объ пей не умретъ, и изъ рода въ родъ перейдутъ преданія о благотворительныхъ дѣлахъ, наполнявшихъ собою всю жизнь усопшей Императрицы, посвятившей себя всецѣло высокимъ подвигамъ милосердія, благу своего народа, который не переставетъ поминать въ своихъ молитвахъ, за благодѣющихъ молясь, Ея свѣтлое непорочное имя.

Въ день 22 мая, на всемъ пространствѣ нашего обширнаго отечества колѣнопреклоненная Русь возсылала горячія молитвы къ престолу Всевышняго за почившую Императрицу. Съ глубоко прочувство-

ванною рѣчью¹⁾ обратился Высокопреосвященный Леонтій архіепископъ Холмско-варшавскій въ этотъ день передъ началомъ панихиды къ присутствовавшимъ въ кафедральномъ соборѣ. Опредѣливъ значеніе молитвы за умершихъ, Преосвященнѣйшій въ краткихъ, но чрезвычайно выразительныхъ словахъ изобразилъ обаятельный нравственный образъ покойной Императрицы, очертя Ея многотрудную дѣятельность, полную добра, вѣры, благочестія и гуманной заботливости о всѣхъ, чьи горести находили откликъ въ Ея любвеобильномъ сердцѣ. Рѣчь эта произвела глубокое впечатленіе на слушателей. Въ заключеніе ея, Высокопреосвященный обратился къ 10 новымъ сестрамъ милосердія, принятымъ въ общину св. Елизаветы годъ тому назадъ въ качествѣ ученицъ, и оказавшихся вполне достойными званія сестеръ милосердія. Вотъ что приблизительно, въ главныхъ чертахъ, сказалъ высокопреосвященный: „Почтенныя сестры милосердія! Вы удостоиваетесь полученія крестовъ, присвоенныхъ званію вашей общины, нынѣ, въ день годовичнаго поминовенія блаженной памяти Государыни Императрицы Маріи Александровны. Съ любовію покойная Царица отнеслась къ учрежденію общины и ея дѣйствіямъ. Послѣднія предсмертныя слова, начертанныя слабою рукою Ея, были драгоценныя слова благодарности учредителямъ общины. Помните это и не забывайте, что кресты, возлагаемые нынѣ на перси ваши, это—вышніе знаки не одного лишь званія вашего, но и характера вашей дѣятельности. Нося нынѣ крестъ, присвоенный общинѣ вашей, знайте, что каждая изъ васъ своимъ образомъ мыслей и чувствованій, а паче всего дѣлами добра должна оправдывать значеніе креста, какъ символа терпѣнія, любви и безконечнаго милосердія Спасителя нашего Иисуса Христа. Старайтесь, по мѣрѣ силъ, подражать симъ качествамъ, не напрасно носить крестъ на себѣ. Въ лицѣ больныхъ и страждущихъ вы служите самому Господу, и бо Онъ сказалъ: „болень Я былъ, и вы носѣтили Меня“. Высокая честь служенія Господу да одушевляетъ васъ усерднымъ, безукорызненнымъ отношеніемъ къ дѣлу, на которое вы призваны по доброй волѣ. Великая мзда предстоитъ вамъ въ царствіи Божіемъ за ваше ревностное служеніе. Не ослабѣвайте въ своихъ трудахъ, и Господне благословеніе почіетъ на васъ“. Съ глубокимъ вниманіемъ прослушали новыя сестры милосердія обращенную къ нимъ рѣчь Высокопреосвященнаго, объясниваемаго имъ характеръ и значеніе предстоящей имъ полезной для общества дѣятельности. Видно было, что назидательныя мысли задушевной рѣчи дѣйствовали на

¹⁾ См. выше.

сердца слушательницъ, и чувствовалось въ эту минуту, что эти мысли, подобно доброму зерну, дадутъ со временемъ хорошиіи плоды,—и новыя сестры, вступившія въ общину св. Елизаветы, увеличатъ число полезныхъ труженицъ ея и дадутъ возможность этому прекрасному учрежденію, основанному гуманнѣйшимъ обществомъ Краснаго Креста, расширить свою плодотворную дѣятельность на пользу страждущаго человѣчества. По окончаніи рѣчи, Высокопреосвященный возложилъ на новыхъ сестеръ красныя кресты, какъ вишіе знаки присвоенія труженицамъ почетнаго новаго званія. Глядя на сестеръ, какъ на живое доказательство одного изъ массы добрыхъ дѣлъ, сдѣланныхъ въ Бозѣ почившей Императрицей, каждый почувствовалъ глубокое чувство признательности къ общей нашей Благодѣлительницѣ.... Началась панихида, и въ умиленіи души предстоящія въ храмѣ преклонили колѣна, съ горячею молитвою вознесясь къ Богу, да упокоитъ Онъ незабвенную въ народной памяти труженицу-Царицу, оставившую землю для жизни вѣчной, гдѣ нѣтъ ни печалей, ни воздыханій...

Василій Урусовъ.

Римскій догматъ о непорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы.

(Продолженіе *)).

ЧАСТЬ III.

*Разсмотрѣніе доказательствъ непорочнаго зачатія и
указаніе приемовъ латинскаго мышленія.*

Мы представили существующія между нами разности въ ученіи о Пресвятой Дѣвѣ Маріи,—но не считаемъ дѣла оконченнымъ. Настоящая, истинная полемика должна выяснитъ и тѣ причины, почему противники такъ, а не иначе мыслятъ, указать и тѣ разности, какія существуютъ въ ихъ мышленіи. На этомъ основаніи, чтобы изслѣдованіе наше было основательнымъ и всестороннимъ, чтобы противники не могли насъ упрекнуть въ недомолвахъ,—мы посвящаемъ это отдѣленіе нашего сочиненія разсмотрѣнію доказательствъ новаго догмата, при чемъ дѣлаемъ выводы и объ особенностяхъ латинскаго мышленія и его приемахъ.

Такое изслѣдованіе тѣмъ болѣе для насъ обязательно, что латинскіе богословы сами вызываютъ насъ на то. Они только себя присвояютъ привилегію на логическое мышленіе,— только себя приписываютъ способность правильно разсуждать о предме-

тахъ. „Кто не католикъ, тотъ не можетъ быть ни христіаниномъ, ни хорошимъ мыслителемъ“, повторяютъ за Томою Муромъ о. Гагаринъ и чешскій его переводчикъ каплаиъ Бартаиъ¹⁾. Они же очень серьезно проповѣдуютъ, что причина продолжающихся несогласій между Востокомъ и Западомъ заключается въ недостаткѣ логики у Восточныхъ. „Когда бы не много побольше логики Восточнымъ, — говорятъ они,—соглашеніе Востока съ Западомъ состоялось бы“²⁾. Итакъ, внутреннюю, глубочайшую причину существующаго у насъ съ ними разъединенія сами латинскіе богословы указываютъ не столько въ догматическихъ, сколько въ логическихъ или вообще въ психическихъ разностяхъ. Отсюда понятно, какъ важно для насъ изслѣдовать разность мышленія латинскихъ писателей и разность тѣхъ логическихъ приемовъ, какіе они употребляютъ въ вопросѣ о непорочномъ зачатіи,— вопросѣ, какъ мы сказали, хотя и частномъ, но многообъемлющемъ и многосодержащемъ по связи съ другими догматами. Отсюда понятно и то, съ какою осторожностію, обстоятельностью и основательностію мы должны вести и совершить предпринятое нами изслѣдованіе; мы должны быть убѣдительно не только для единовѣрныхъ съ нами читателей, но и для несогласныхъ съ нами латинянъ. Законы мышленія одинаковы и обязательны для всѣхъ достаточно развитыхъ и правильно мыслящихъ людей. Слѣдовательно, выводы наши должны имѣть общее или одинаковое для всѣхъ значеніе. Итакъ приступаемъ.

Изъ предшествующаго изслѣдованія мы узнали, что ученіе о непорочномъ зачатіи состоитъ изъ цѣлаго ряда предположеній, изъ которыхъ нѣкоторыя не имѣютъ даже достоинства правдоподобія или вѣроятности. Не смотря на то, всѣ эти предположенія, со времени утвержденія этого ученія въ качествѣ догмата,—мыслятся, какъ положительныя, несомнѣныя истины.—Слѣдовательно, фактъ непорочнаго зачатія имѣетъ такую очевидность и достовѣрность, что и объяснительнымъ предположеніямъ придаетъ достоинство твердости и положительности. Но такъ

¹⁾ Studie o ruské cirkvi. III. стр. 18. Это сказано по поводу сочиненія архим. (нынѣ еп.) Никанора: „Разборъ ученія о главенствѣ папы“. Каплаиъ Бартаиъ совѣтуетъ ему, предъ вторымъ изданіемъ своего сочиненія, повнимательнѣе прочитатъ статью о. Гагарина: „Объясненіе словъ:—Ты еси Петръ...“ и—въ одномъ католическомъ журналѣ— статью „о приматетвѣ папы въ первыхъ трехъ столѣтіяхъ“, а главное—хорошенько продумать основы или принципы католич. вѣры. Въ заключеніи Бартаиъ говоритъ: „наконецъ, рекомендую ему подумать о томъ, что изрекъ Тома Муръ, же нельзя никому бити крестьянелъ а добрымъ логикелъ, нѣмъ ли католикелъ. Silvio Pelliko: O povinnostech clovéka. V Praze 1863 r. str. 9.

²⁾ Ibid. стр. 21.

*) См. № 1, 2 3, 4 5, 6, 7, 8, 9 и 10 Вѣстника.

ли это на самомъ дѣлѣ?—Фактъ непорочнаго зачатія можетъ ли быть мыслимъ, какъ фактъ достовѣрный до очевидности?

По словамъ самихъ же латинскихъ писателей, какъ мы видѣли выше, непорочное зачатіе св. Дѣвы Маріи есть *исключеніе*¹⁾ изъ общаго правила, т. е. изъ всеобщности первороднаго грѣха. Но какъ исключеніе, оно мыслимо быть не можетъ. Всякое исключеніе, поелику оно не подходитъ подъ общіе намъ извѣстные законы, такъ и остается исключеніемъ, чѣмъ-то необъяснимымъ въ наукѣ. Возьмите напр. грамматическія исключенія, —этотъ источникъ страданій для людей съ слабой памятью. Въ сжатомъ видѣ грамматика представляетъ законы строенія и образованія словъ и реченій языка и такимъ образомъ даетъ возможность въ короткое сравнительно время изучить плоды вѣковой работы народнаго гения, —по при этомъ тѣ явленія въ языкѣ, которыя не подходятъ ни подъ какіе извѣстные наукѣ законы, ставятся подъ правилами въ видѣ исключенія, и изучающій языкъ долженъ затверживать ихъ на память. Итакъ исключенія не объяснимы, но они *существуютъ, они суть явленія действительныя*; мы ихъ не предполагаемъ, не выдумываемъ, — но они существуютъ съ неотразимою силой.

Приложите же теперь это понятіе объ *исключеніи* къ вопросу о непорочномъ зачатіи. Латинскіе богословы мыслятъ непорочное зачатіе, какъ *исключеніе* изъ закона всеобщности грѣха: всѣ люди, происшедшіе отъ Адама путемъ естественнаго рожденія, являются въ міръ съ поврежденной грѣхомъ природой, а св. Дѣва одна родилась съ природой первобытной, совершенной; — всѣ люди должны пріобрѣтать нравственную чистоту усиліями своей свободы, а св. Дѣва родилась чистой и совершенной по *естеству*. Такое исключительное явленіе есть чудо смотрѣнія Божія. Но что бы говорить объ этомъ чудѣ, надо напередъ знать, что оно, какъ исключеніе, дѣйствительно существуетъ; а откуда извѣстно, что оно дѣйствительно существуетъ? Безсѣменное рожденіе Христа Спасителя отъ Духа Святаго и Маріи Дѣвы есть тоже исключительное явленіе, непостижимое чудо смотрѣнія Божія, но объ немъ мы знаемъ изъ ясныхъ словъ св. Писанія (Лук. 1, 35), — и хотя не можемъ мыслить безсѣменнаго рожденія, — ибо оно превышаетъ законовъ естества, — но тѣмъ не менѣе мы вѣруемъ въ него, нисколько не сомнѣваясь въ его дѣйствительности. Но откуда мы знаемъ о дѣйствительности непорочнаго зачатія? Откуда знаемъ, что оно существуетъ, какъ фактъ, какъ несомнѣнное явленіе? Свидѣтельства о непорочномъ зачатіи нѣтъ

ни въ священномъ Писаніи, ни въ священномъ Преданіи.

Что нѣтъ о немъ свидѣтельствъ въ священномъ Писаніи — это признаютъ и латинскіе писатели. Такъ базельскій Іоаннъ фонъ Сеговіа въ своемъ трактатѣ о непорочномъ зачатіи высказываетъ это признаніе въ весьма опредѣленныхъ и рѣшительныхъ выраженіяхъ, именно, онъ говоритъ: „заблужденіе — думать, будтобы необходимо ясное свидѣтельство священнаго Писанія, чтобы поставить преимущество св. Дѣвы, Ея непорочное зачатіе, въ всякаго сомнѣнія“¹⁾. То же самое высказала и комиссія знаменитѣйшихъ латинскихъ богослововъ, которымъ было поручено разслѣдовать все дѣло о новомъ догматѣ и составить проектъ вѣроопредѣленія. Комиссія пришла къ тому же выводу, какъ и фонъ Сеговіа, — что и для признанія ученія о непорочномъ зачатіи католическимъ нѣтъ безусловной необходимости въ библейскомъ свидѣтельствѣ²⁾, можно, значить, обойтись и безъ него.

Нѣтъ свидѣтельства и въ священномъ Преданіи. Мы видѣли выше, что древняя Церковь не знала этого догмата, — западная не знала его до XII вѣка, а Восточная не знаетъ его и доселѣ. Но этого мало сказать, что древняя Церковь не знала этого догмата. Напротивъ, она всегда держалась, а Восточная держится доселѣ, — совершенно противоположнаго ученія, именно, что плоть св. Дѣвы есть плоть грѣха, что Она родилась, какъ всѣ люди, отъ *тлѣнныхъ ложесть* и въ *болѣзняхъ*, что, по словамъ блаженнаго Августина, Она была очищена отъ грѣха предъ благовѣстіемъ или во время благовѣстія Ангела, что умерла сообразно съ природой падшаго человѣка, кратко, что *прародительна скверна блже на Ней*. Такимъ образомъ совершенно ясно и очевидно, что этотъ догматъ и свидѣствоваться древностію никакъ не можетъ. Мы видѣли выше, что та же вышеупомянутая комиссія знаменитѣйшихъ латинскихъ богослововъ сама признала, что дѣйствительно въ пользу непорочнаго зачатія никакъ нельзя представить непрерывности церковнаго преданія, — почему для опредѣленія католичности этого ученія избрѣла новое, доселѣ неизвѣстное Церкви начало, — свидѣтельство *большинства вѣрующихъ за извѣстный періодъ времени*, — въ пользу опредѣляемаго ученія. — То же самое выражаютъ и латинскіе катихизисы, представляя это ученіе въ древней Церкви въ видѣ неразъясненномъ (*implicite*), завитомъ какъ бы въ сѣмени, и хотя приводятъ свидѣтельства, но непрямыя, неопредѣленные, неясныя: въ переводѣ на общепонятный человѣческій языкъ это значить, что древняя

¹⁾ Popul. Dogmatik von Bisch. Hirzik. p. 162.

¹⁾ См. выше стр. 57. Zum Lobe. стр. 54. 55.

²⁾ Zum Lobe... стр. 90. 91.

Церковь хотя содержала догматъ непорочнаго зачатія и вѣровала въ него, но сама не сознавала своего вѣрованія, не знала, что онъ существуетъ.

Итакъ, вѣдъ всякаго сомнѣнія, что ни въ свѣщ. Писаніи, ни въ свѣщ. Преданіи нѣтъ свидѣтельства о непорочномъ зачатіи св. Дѣвы, какъ существующемъ фактѣ, какъ дѣйствительномъ явленіи. Спрашивается: откуда же явилось представленіе объ этомъ фактѣ и увѣренность въ его дѣйствительности? Отвѣчаютъ: отъ другихъ достовѣрныхъ истинъ посредствомъ выводовъ. Но, во первыхъ, какъ могла возникнуть самая мысль о существованіи неизвѣстнаго явленія? гдѣ скрывалось зерно самаго представленія о *непорочномъ* зачатіи, первое побужденіе, первый поводъ — дѣлать умозаключенія о существованіи неизвѣстнаго предмета? Какъ мы станемъ рыться въ землѣ и отыскивать скрытое тамъ сокровище, когда объ немъ ничего не слышали и ничего не знаемъ? Какъ мы станемъ отыскивать и доказывать непорочное зачатіе св. Дѣвы, когда объ немъ мы ничего не имѣемъ ни въ Писаніи, ни въ Преданіи? Это вѣдъ всякихъ законовъ мышленія.

Во вторыхъ. Это глубокое заблужденіе латинскихъ богослововъ, что будто-бы богооткровенныя истины можно открывать посредствомъ выводовъ. Прислушайтесь къ этимъ словамъ, какая злая иронія звучитъ въ нихъ: *богооткровенная истина открывається* посредствомъ выводовъ! Совокупность небесныхъ божественныхъ истинъ или догматовъ—это тоже для духовнаго человѣка, что звѣздное небо для вѣшняго чувственнаго человѣка. Звѣзды небесныя кажутся намъ разсѣянными безъ всякой системы, безъ всякаго порядка, но на самомъ дѣлѣ въ этой, повидимому, случайности и въ этомъ безпорядкѣ существуетъ и мудрая система, и неизмѣнный, строгій, вѣдомый Творцу порядокъ. Человѣческому уму предоставлено мало по малу, по мѣрѣ силъ и возможности, — познавать этотъ порядокъ и проникать хотя отчасти въ разумѣніе этой системы. Такъ и небесныя истины; онѣ даны, по видимому, случайно, безъ всякой системы и связи, — но въ сущности онѣ не случайны, а находятся во внутренней необходимой связи; человѣку остается только глубже и глубже проникать въ разумѣніе божественныхъ таинъ и просвѣщаться ими. Для выводовъ же и открытій тутъ рѣшительно нѣтъ никакого мѣста. Но, пользуясь сдѣланнымъ нами сравненіемъ, латинскіе богословы скажутъ, что какъ въ изученіи неба можно открывать новыя тѣла, такъ и въ изученіи откровенія—новыя истины. Хорошо. Но возражатели одно забываютъ, что тамъ дѣлаются открытія посредствомъ извѣстныхъ законовъ математики, механики и динамики, и притомъ тѣлъ существующихъ, а латинскимъ богословамъ приходится открывать

явленія чудесныя, чрезвычайныя, исключительныя и потому существующія вѣдъ всякихъ законовъ мышленія, — какъ напр. непорочное зачатіе. Оно, какъ представляетъ его латинская Церковь, есть чрезвычайное чудо смотрѣнія Божія, дѣйствіе тойже благодати Духа Святаго, по выраженію еп. Малу, силою которой совершилось и зачатіе Спасителя. Скажите: какими выводами можно открыть это чудо, если намъ ничего не дано знать о немъ. Такіе выводы вѣдъ извѣстныхъ намъ законовъ мышленія.

Говорятъ, что ученіе о непорочномъ зачатіи можно также выводить, какъ ученіе о *приснодѣвствѣ* Маріи Дѣвы, наименованіе Ея Богородицей и какъ ученіе объ Ея святости и взятіи Ея на небо съ тѣломъ. Такъ базельскій богословъ фонъ Сеговіа напр. говоритъ: „что ученію о приснодѣвствѣ Маріи, о совершенной Ея святости и о воспослѣдовавшемъ уже воскресеніи Ея — не только нѣтъ подтвержденія въ свѣщ. Писаніи, а напротивъ еще видимо противорѣчатъ вѣдъ извѣстныя изреченія Христовы и Апостоловъ, но не смотря на то, Церковь содержитъ это ученіе; такъ и въ этомъ случаѣ. Ученіе о непорочномъ зачатіи заключается въ Ея Богоматеринствѣ и отсюда должно быть выводимо¹⁾).

Но и этого принять никакъ нельзя. Какъ и во вѣдъ подобныхъ сближеніяхъ или приравненіяхъ одного предмета съ другимъ, такъ и въ этомъ, латинское мышленіе ограничивается и удовлетворяется однимъ только поверхностнымъ, легкимъ сходствомъ, не вникая рѣшительно въ созерцаніе существа дѣла. Оно соединяетъ въ одно предметы совершенно неравныя, — говоря языкомъ математическимъ, *величины несоизмѣримыя*.

Ученіе о приснодѣвствѣ Богоматери и наименованіи Ея Богородицею есть не выводное ученіе, продолженіе ученія о Боговоплощеніи и потому стоитъ съ симъ послѣднимъ въ необходимой и очевидной связи;—приснодѣвство — съ ученіемъ о чудесномъ рожденіи Сына Божія, а наименованіе Богородицы — съ ученіемъ о соединеніи во Христѣ двухъ естествъ Божескаго и человѣческаго съ самаго Его зачатія. Поэтому и то и другое имѣетъ указаніе въ свѣщ. Писаніи и свидѣствуется яснымъ и непрерывнымъ ученіемъ Церкви, которое притомъ заключено и въ соборныя опредѣленія.

Что на св. Дѣвѣ лежалъ обѣтъ дѣвства и Она его держала до рожденія Спасителя, въ бытность свою въ домѣ обрученнаго Ей мужа,—это явствуется изъ вопроса, сдѣланаго Ею Ангелу—благовѣстнику: *како будетъ сіе, идѣже мужа не знаю?* А что она сохранила этотъ обѣтъ и по рожденіи Спасителя,—это

¹⁾ См. выше стр. 57. Zum Lobe p. 54.

рѣшительно утверждаетъ вся древняя Церковь. Впрочемъ и на это послѣднее мы имѣемъ нѣкоторыя указанія и въ свящ. Писаніи. Заботы Христа Спасителя о своей Матери даже на крестѣ и врученіе Ея возлюбленному ученику Иоанну свидѣлствуютъ, что Богородица по смерти Спасителя оставалась сиротствующею, не имѣвшею ни мужа, ни другихъ родныхъ дѣтей, и потому пуждалась въ попеченіяхъ со стороны кого-нибудь изъ учениковъ Господа. Господь избралъ Иоанна и усыновилъ его святой Матери своей.

О приснодѣвствѣ Богородицы такъ разсуждаетъ нашъ богословъ, блаженной памяти митрополитъ Филаретъ. Объясняя во просѣ св. Дѣвы къ благовѣстнику: *како будетъ сіе, идѣже мужа не знаю?* онъ учитъ: „Чтобы правильно разумѣть сіи слова, необходимо должно, во первыхъ, предположить, какъ и преданіе сказуетъ, что Марія еще прежде обязала себя обѣтомъ во всю жизнь свою хранить дѣвство; ибо не обязанная симъ обѣтомъ и обрученная мужу, какую бы имѣла причину вопрошать о возможности родить Сына: *како будетъ сіе?* Во вторыхъ, надлежитъ взять въ соображеніе законъ Моисеевъ (Числѣ 30 гл.), по которому обѣтъ дѣвы или жены могъ быть уничтоженъ однимъ словомъ отца или супруга, и только тогда становился твердымъ, когда отецъ или супругъ слышалъ о немъ и не отвергъ онаго. Изъ сего соображенія должно заключить, также согласно съ преданіемъ, что обѣтъ дѣвства, который на предсказаніе о рожденіи Сына заставилъ Марію сказать: *како будетъ сіе?* былъ уже тогда извѣстенъ Иосифу и признанъ имъ; и что Онъ обручилъ себя Пречистой Дѣву съ тѣмъ, чтобы подъ именемъ супруга, быть стражемъ Ея дѣвства, которому нужно было таиться подъ наружнымъ покровомъ брачнаго союза въ такомъ народѣ, который, привлекаясь видимымъ благословеніемъ брака, не постигалъ высоты дѣвства. По симъ обстоятельствамъ, сколь ни далеко была Марія отъ того, чтобы не вѣровать, или сомнѣваться, или прекословить, или любопытствовать, принуждена была спросить Ангела: *како будетъ сіе, идѣже мужа не знаю?* Хотя имѣю мужа по обряду обрученія; но у меня нѣтъ мужа по обѣту дѣвства; обѣтъ сей произнесенъ, утвержденъ; сколько я не желаю отмѣнить его, столько не позволяеть законъ, который говоритъ: *человѣкъ уже аще обѣщаетъ обѣтъ Господу, или заклянется клятвою, или опредѣлитъ предѣломъ къ души своей, не осквернитъ словесе своего; вся, елика изыдутъ изъ устъ его, да сотворитъ* (Числ. 30, 3); Господь не нарушаетъ своихъ законовъ; какъ-же будетъ то, что и обѣтъ дѣвства сохранится, и законъ исполнится, и сынъ родится¹⁾.

¹⁾ Слова и рѣчи м. Филарета т. 1. стр. 435—5.

Ученіе о совершеннѣйшей святости Богородицы есть тоже ученіе Церкви и стоитъ въ несомнѣнной связи съ ученіемъ о Боговоплощеніи, — но оно уже не имѣетъ той опредѣленности, какъ предшествующее. Все богословы утверждали и утверждаютъ, что св. Дѣва была очищена и освящена воплощеніемъ Сына Божія, — но станеть ли кто утверждать, что слѣды первороднаго грѣха въ Ея душѣ были истреблены совершенно, что благодать Божія воздѣйствовала въ этотъ разъ на свободу Маріи внѣшнимъ, механическимъ, насильственнымъ образомъ? Мы знаемъ ясное свидѣтельство слова Божія, что хотя благодатный огонь Св. Духа очистилъ св. Апостоловъ и приготовилъ ихъ на всемірную проповѣдь, но не сдѣлалъ ихъ совершенно безгрѣшными. Мы знаемъ и такіе примѣры, что христіане, обладавшіе чрезвычайными дарами благодати, иногда злоупотребляли ими, какъ это было въ Церкви коринфской, во время Апостоловъ. Мы знаемъ, наконецъ, что вѣрующіе во Христа въ таинствѣ причащенія пріемлютъ Христа, входятъ съ Нимъ въ живое сношеніе, но это не дѣлаетъ ихъ совершенно безгрѣшными, — не потребляетъ въ нихъ заразы и навсегда грѣховность природы. Такъ и въ данномъ случаѣ. Ради воплощенія Сына Божія мы исповѣдуемъ св. Дѣву Марію совершеннѣйшимъ, святѣйшимъ существомъ на землѣ, — но въ тоже время признаемъ, какъ и показали это выше, что въ своемъ искупленіи Она подлежала общему порядку спасенія, установленному Богомъ для падшаго человечества. Мы не разсуждаемъ о томъ, допускала ли св. Дѣва, послѣ рожденія Христа Спасителя, грѣхи, — ибо изъ благоговѣнія къ Богу, по примѣру блаженнаго Августина, мы не хотимъ объ этомъ разсуждать, — но мы утверждаемъ, что свобода Ея еще не была неизмѣнною, и слѣды первороднаго грѣха, — удобопреклонность ко злу и внутрення боренія, какъ выражается св. Василій великій, оставались въ Ней до искупленія страданіемъ и воскресеніемъ Христовымъ. Таково наше ученіе о святости Дѣвы Маріи.

Чтоже касается до воскресенія Ея тѣла, то хотя православная Церковь признаетъ и исповѣдуетъ оное, однакожь не вводитъ въ систему основныхъ догматовъ христіанства, какъ не ввели онаго св. Апостолы. Они ни однимъ словомъ не упомянули о немъ въ своихъ писаніяхъ, хотя по преданію все были участниками погребенія Богородицы и свидѣтелями опустѣвшаго гроба на третій день Ея погребенія. Вообще св. Апостолы очень мало упоминаютъ о Богородице послѣ вознесенія Господа. Такое отношеніе ихъ къ такому великому лицу въ Церкви объясняется очень просто тѣмъ, что они занимались утвержденіемъ и раскрытіемъ тайны нашего спасенія во Христѣ, ученіемъ о Немъ, какъ

о Спасителѣ мира, каковымъ Онъ былъ и по отношенію къ Богоматери. Ея прославленіе было первымъ плодомъ Божественной тайны искупленія. Она была первая изъ спасаемыхъ, первая изъ прославленныхъ. Поэтому Ея прославленіе, какъ слѣдствіе искупленія, и не вошло и не входитъ въ систему раскрытія самой тайны искупленія. Поэтому же и воскресеніе Ея тѣла остается какъ бы въ тѣни для вѣрующихъ; ибо не на этой тайнѣ мы назидаемся, а на основаніи тайны воскресенія Христа, какъ первенца изъ мертвыхъ, начатка всѣхъ умершихъ, начатка и для самой Богоматери.

Не таково ученіе о непорочномъ зачатіи. Оно не только не стоитъ въ необходимой связи, а напротивъ оказывается въ явномъ противорѣчій съ тайной воплощенія и съ достоинствомъ Богоматери, какъ это мы и раскрыли выше. Мы утверждаемъ, что для тайны воплощенія Сына Божія требовалась отъ Матери, возможная для человѣка, совершеннѣйшая чистота и святость, но святость не насильственная, внѣшняя, а приобрѣтенная свободнымъ изволеніемъ, борьбою, усиліями свободы, въ порядкѣ жизни падшаго человѣка. Мы утверждаемъ, что такая чистота и святость гораздо достойнѣе и Бога и Богоматери, чѣмъ та невольная, внѣшняя, механическая, какую измыслили и приписали Богоматери латинскіе богословы. Для того, чтобы на осужденной землѣ произвести чистоту изъ среды падшаго и поврежденнаго человечества, Промыслу Божію благоугодно было избрать себѣ особый народъ, и путемъ откровеній и особаго водительства готовить его къ чрезвычайной тайнѣ воплощенія Сына Божія. Весь порядокъ болѣе чѣмъ тысячелѣтняго приготовления Богоизбраннаго народа совершался такимъ образомъ, что постепеннымъ введеніемъ избранныхъ въ планы божественнаго домостроительства они устрояемы были ко спасенію и къ выполненію предначертаній Божіихъ безъ нарушенія человѣческой свободы и безъ оскорбленія правды Божіей. Св. Дѣва Марія была, такъ сказать, вѣнцемъ этого приготовления, въ которомъ благодатное воздѣйствіе срастворялось съ человѣческой свободой. Ея стремленіе къ дѣвственной чистотѣ было такъ сильно, что превозмогло всѣ представленія и желанія, свойственныя вѣрующимъ ветхаго завета, которые смотрѣли на чадъ, какъ на знаки благоволенія Божія и какъ на наслѣдниковъ обѣтованія и будущихъ участниковъ славнаго царства Мессіи. По своему происхожденію отъ колѣна Иудина, изъ потомства Давидова, Она бы могла питать себя надеждою содѣлаться матерію если не самаго Обѣтованнаго, то ближайшаго Его участниковъ, особенно въ то время, время самаго напряженнаго ожиданія и рѣшительной увѣренности въ скоромъ пришествіи Мессіи; но по движенію сей самой

вѣры и изъ любви къ Господу Она отрывается отъ этой сладкой надежды и возлагаетъ на себя обѣтъ дѣвства, и такимъ образомъ, не смотря на то, что по своему воспитанію и своимъ воззрѣніямъ еще принадлежала ветхозавѣтному времени, по высотѣ своей дѣвственности относилась уже ко времени новозавѣтному. Но то, отъ чего Она отреклась ради Господа, то и даруетъ Ей Господь. Она, чтобы принести Господу въ жертву свою чистоту, отрывается имѣть наслѣдниковъ обѣтованія въ своихъ дѣтяхъ; а Господь за то, что Она возжелала такой совершеннѣйшей чистоты, избираетъ Ее орудіемъ чудеснаго рожденія своего Единороднаго Сына. Вотъ какъ мы понимаемъ предъуготовленіе и избраніе св. Дѣвы Маріи. Въ такомъ представленіи *непорочное зачатіе* не только не требуется, но оно излишне; оно унизило бы нравственное достоинство Богоизбранной Отроковицы, нарушило бы Ея свободу, сдѣлало бы чистоту и святость Ея механическою, насильственной, внѣшнею для Нея. Гораздо выше и достойнѣе Ея подняться изъ состоянія поврежденія къ совершеннѣйшей чистотѣ и такому высокому предъизбранію, каково достоинство Богоматери, чѣмъ быть чистой, святой и совершенной по естеству, съ самаго зачатія, какъ учатъ латинскіе богословы. Отсюда мы утверждаемъ, что догматъ непорочнаго зачатія не стоитъ въ связи съ догматомъ воплощенія Сына Божія и нисколько не требуется достоинствомъ Богоматери. Никакъ нельзя доказать, что нравственно-свободной чистоты и освященія Дѣвы Маріи послѣ зачатія недостаточно было бы для Ея высокаго предъизбранія. Чтобы судить объ этомъ, надо навѣрное знать, въ чемъ состоитъ благодатное освященіе и какая нужна мѣра благодати, чтобы содѣлать Дѣву Марію достойною Ея великаго предъизбранія. Но мы этого не знаемъ. Латинскіе же богословы такъ рассуждаютъ объ этомъ предметѣ, что какъ будто они все знаютъ и *сушность* благодатнаго освященія и *мѣру* благодати, потребной къ освященію.

Итакъ, догматъ непорочнаго зачатія никакъ нельзя приравнивать къ ученію о приснодѣвствѣ Богоматери, о наименованіи Ея Богородицею, и даже къ ученію о Ея святости и о воспослѣдовавшемъ воскресеніи Ея тѣла. Ученіе о непорочномъ зачатіи не только не стоитъ въ необходимой связи съ ученіемъ о Боговоплощеніи, какъ ученіе о приснодѣвствѣ и Богоматеринствѣ Дѣвы Маріи, но оказывается еще въ явномъ противорѣчій вообще съ тайной нашего искупленія во Христѣ. Латинскій догматъ, какъ чудо, какъ искупленіе, могъ быть выдуманъ, но никакъ не могъ быть выведенъ изъ другихъ богословскихъ истинъ.

Указанную нами логическую невозможность мы-

слить о чудѣ, о существованіи котораго намъ ничего не извѣстно, не можетъ оправдать и латинская теорія развитія догматовъ, по которой ученіе о непорочномъ зачатіи существовало въ Церкви сперва въ видѣ зародыша, въ состояніи неразъясненномъ (*implicite*), а потомъ въ видѣ полно-развитой и разъявленной истины (*explicite*). Еще можно бы было признать за этой теоріей нѣкоторую долю правдоподобія, еслибы въ исторіи этого догмата проходило одно представленіе. Но мы уже видѣли, что въ исторіи догмата проходятъ два представленія по существу своему совершенно противоположныя, между которыми лежитъ непроходимая бездна, положенная грѣхомъ. Мы видѣли, что древней Церкви принадлежитъ представленіе о святости и чистотѣ св. Дѣвы Маріи, какъ святости и чистотѣ *благопріобрѣтенной, свободно-нравственной*, а латинской Церкви, начиная съ Пасхазія, какъ *святости и чистоты по происхожденію, по естеству*. Мы видѣли выше, что если можно приложить латинскую теорію развитія къ новому догмату, то развѣ только къ исторіи его въ области латинской Церкви; именно: со временъ Пасхазія до Дунса Скота ученіе о непорочномъ зачатіи находилось въ зачаточномъ состояніи, а съ сего времени принимаетъ видъ ученія объясненнаго, доколѣ не было утверждено въ такомъ значеніи властію папы. Если бы въ древней Церкви существовало какое нибудь свидѣтельство о представленіи святости св. Дѣвы въ смыслѣ латинскомъ, то, безъ сомнѣнія, комиссія латинскихъ богослововъ не преминула бы воспользоваться имъ; но такъ какъ ничего подобнаго нѣтъ, то и пришлось отказаться отъ свидѣтельства древности и вмѣсто того выдумать новое начало для опредѣленія католичности ученія о непорочномъ зачатіи, свидѣтельство большинства за извѣстное время. Поэтому теорія развитія догматовъ плохую оказываетъ услугу латинской Церкви: она представляетъ Церковь мыслящую, по выраженію одного нашего писателя, *заднимъ числомъ*; т. е. измышленное нынѣ въ латинской Церкви представляется принадлежащимъ вселенской Церкви во все времена. Такимъ образомъ приписывается Церкви то, чего она не знала и не воображала, а ея авторитетомъ прикрывается то, что ей никогда не принадлежало. Вообще эта теорія занимаетъ какую то странную средину, составляетъ какой-то уродливый межутокъ; по слову *развитіе* она принадлежитъ къ рационалистическому представленію о развитіи самосознающаго духа, а по слову *догматъ*—къ Божественному откровенію, всегда себѣ равному и полному¹⁾.

¹⁾ Этому предмету у насъ посвящается особая глава въ предположенномъ нами сочиненіи „О разностяхъ Церквей въ ученіи вѣры“.

Итакъ представленіе о существованіи исключительнаго явленія, чуда непорочнаго зачатія, не дано священнымъ Писаніемъ и Преданіемъ, не получено посредствомъ выводовъ, — ни лежало въ сознаніи Церкви въ видѣ неразвитаго зародыша.—Спрашивается: откуда же оно взялось? — Латинскіе богословы откровенно отвѣчаютъ, что оно „возникло изъ благочестія вѣрующихъ и развилось изъ невидимыхъ началъ“, что, какъ мы видѣли, совершенно ясно оправдывается исторіей. Оттого-то это ученіе сначала появилось подъ скромнымъ именемъ „благочестиваго мнѣнія“, затѣмъ мало по малу пріобрѣтало силу достовѣрности, и потомъ уже найдено и въ священномъ Писаніи и въ священномъ Преданіи вселенской Церкви, а потому и объявлено *богооткровеннымъ*. Такимъ образомъ путь развитія этого ученія идетъ *отъ благочестія вѣрующихъ къ Откровенію*, а не наоборотъ, не отъ Откровенія къ благочестію вѣрующихъ, т. е. благочестіе раждаетъ представленіе о непорочномъ зачатіи и заставляетъ его видѣть въ Откровеніи, а не Откровеніе даетъ это представленіе и раждаетъ благочестіе, — путь совершенно обратный, чѣмъ какой данъ намъ Богомъ въ исторіи спасенія рода человѣческаго,—путь собственно говоря, неправильный.

Но латинскіе богословы скажутъ намъ словами Ап. Павла, что *благочестіе на все полезно*, (1 Тим. 4, 8), слѣдовательно и въ дѣлѣ истины. *Вѣрно слово и всякаго пріятія достойно, что благочестіе на все полезно*, отвѣтимъ и мы съ своей стороны. Но не нужно при этомъ забывать, что благочестіе бываетъ неодинаково по своему качеству и достоинству. Благочестіе, которое ревнуетъ и дѣйствуетъ не по разуму, не управляется духомъ любви Христовой, распинаемой врагами, но не распинающей враговъ,—благочестіе, которое воздвигаетъ крестовые походы на истребленіе еретиковъ огнемъ и мечемъ, заводитъ судилища для тойже цѣли, пытками вынуждаетъ отреченіе отъ заблужденій, возводитъ заблуждающихся на костры, устрояетъ варооломеевскія ночи,—такое благочестіе, разумѣется, не то благочестіе, о которомъ говоритъ Апостолъ; о такомъ благочестіи нельзя сказать, чтобы оно было на все полезно. Такое благочестіе никакъ не можетъ дать намъ ручательство въ истинности своихъ представленій и въ правильности или нормальности богословскаго мышленія; — уже одно то, что благочестіе заставляетъ видѣть свои порожденія въ Откровеніи, — объясняетъ все.

Изъ такого отношенія благочестія къ Откровенію опредѣляется логическое достоинство доказательствъ, на которыхъ хотѣли обосновать *догматъ непорочнаго зачатія*. Какъ мы уже отчасти видѣли, и ниже еще яснѣе увидимъ, въ нихъ, т. е. въ доказательствахъ

обнаруживаются дѣйствующими не столько разумѣвающая и смыслящая сила души, сколько благочестивое, но фальшиво-настроенное чувство и воспаленное воображеніе. Поэтому мы видимъ, что „скромное“ мнѣніе возрастаетъ въ силѣ, становится твердымъ не вслѣдствіе открытія новыхъ какихъ-нибудь твердыхъ, неизблѣмыхъ основъ, а вслѣдствіе преобладанія чувства и воображенія.

Поэтому же и самыя доказательства представляютъ собою весьма интересный предметъ не только для богослова по отношенію къ данному вопросу, но и для психолога, по отношенію къ явленіямъ души человѣческой.

Какъ мы уже видѣли выше, въ своихъ доказательствахъ латинскіе богословы стоятъ на *точкѣ зрѣнія приличія*: „не прилично было Сыну Божію родиться отъ Матери, на которой лежалъ прародительскій грѣхъ; неприлично было и Богоматери, призванной къ такому великому служенію, быть подъ прародительскимъ грѣхомъ“. Отсюда они ведутъ свои выводы. Самый главный и сильный у нихъ аргументъ есть умозаключеніе *ad absurdum*, отъ нелѣпости предположенія къ нелѣпости вывода. Если мы предположимъ, разсуждаютъ они, что св. Дѣва зачата была съ первороднымъ грѣхомъ, то выйдетъ такая-то и такая-то нелѣпость; слѣдовательно, Она не была зачата подъ грѣхомъ. Бываютъ и другіе способы: берется напр. какое-нибудь положеніе, какъ математическая аксіома, т. е. несомнѣнная истина, — и изъ нея выводится заключеніе въ пользу непорочнаго зачатія.

Во всѣхъ такихъ и подобныхъ умозаключеніяхъ требуется, чтобы основныя понятія въ нихъ были строго опредѣлены и доведены до непререкаемой точности. Между тѣмъ выше мы уже видѣли, что латинскіе богословы не могутъ похвалиться этою точностію; они страдаютъ именно противоположнымъ недостаткомъ, — *неопредѣленностію и двусмысленностію* въ выраженіи своихъ понятій. Повидимому, они говорятъ однимъ съ нами богословскимъ языкомъ, употребляютъ одни и тѣже термины, — пользуются однѣми и тѣмиже выраженіями, — какими пользуемся и мы, православные, — а между тѣмъ за ними скрытъ иной смыслъ, въ нихъ вложены латинскія представленія, часто противоположныя православнымъ. Это уже одно свидѣтельство о неопредѣленности и двусмысленности богословской рѣчи латинянъ. Такъ, они одинаково съ нами употребляютъ слѣдующія богословскія выраженія: *первобытная праведность и святость, первородный грѣхъ, поврежденіе природы, освящающая благодать, зачатіе, свобода, заслуга* и т. п. Повидимому, эти слова очень ясны, просты и опредѣленны, а между тѣмъ, какъ мы видѣли въ предшествующемъ изслѣдованіи, этимъ выраженіямъ ла-

тиняне придаютъ совершенно другой смыслъ, отличный отъ разумнѣнн православнога. — Такъ, *первобытную праведность и святость* они разумѣютъ и въ смыслѣ естественныхъ совершенствъ новосотворенныхъ существъ, какъ мы понимаемъ и какъ раскрыли выше, и въ смыслѣ нравственно-свободныхъ совершенствъ, чего мы не признаемъ; — *первородный грѣхъ*, повидимому, одинаково съ нами понимаютъ и въ смыслѣ положительномъ, какъ поврежденіе природы, и въ смыслѣ отрицательномъ, какъ лишеніе благодати, — но на самомъ дѣлѣ, только въ послѣднемъ смыслѣ, (какъ нами тоже раскрыто выше); подъ *зачатіемъ* разумѣютъ не только возбужденіе къ жизни зародыша, но вмѣстѣ съ тѣмъ и больше всего, — непосредственное твореніе души Богомъ и вливаніе ея въ зародышъ; такъ что представленіе этого послѣдняго акта почти совершенно вытѣсняетъ собою представленіе акта зарожденія тѣла, — по крайней мѣрѣ въ догматѣ о неспрочномъ зачатіи; — *свобода* и одинаково съ нами понимается, когда говорится о грѣхопадѣніи человѣка, — и совершенно различно, когда говорится о Пресвятой Дѣвѣ Маріи: по отношенію къ Ней свобода понимается не какъ способность, посредствомъ испытанія имѣющая утвердиться въ благодатной *неизмѣняемости*, а какъ сила, не нуждающаяся въ испытаніи и неизмѣнная по природѣ, отъ рожденія. Слово *заслуга*, по нашему мнѣнію, не имѣетъ смысла въ отношеніи къ *свободѣ неизмѣняемой*, какую латиняне приписываютъ Богоматери, и вообще не имѣетъ мѣста въ новоблагодатномъ царствѣ, гдѣ должна господствовать любовь: но тѣмъ не менѣе богословы употребляютъ это слово, понимая его и въ собственномъ смыслѣ, и въ уточненномъ, — въ смыслѣ дарованной человѣку милости — своими усиліями приобрѣтать право на блаженство и увеличивать оное.

При этомъ, какъ мы тоже видѣли, выступала другая черта въ латинскомъ мышленіи — стремленіе сблизить между собою, по существу своему, совершенно различныя представленія и понятія, *обезразличить*, отождествить ихъ. Такъ въ новомъ догматѣ, *непорочное зачатіе, чрезвычайное освященіе, обрѣзаніе, крещеніе, совершеннѣйшее искупленіе*, — все это по отношенію къ Дѣвѣ Маріи въ латинскомъ мышленіи потеряло свое различіе, *обезразличилось* и почти совсѣмъ отождествилось. Сказать непорочное зачатіе — это значитъ — напомнить объ освященіи, какое бывало въ обрѣзаніи и бываетъ въ крещеніи, — и въ тоже время выразить представленіе о совершенномъ и безу словномъ освященіи, а это освященіе понятъ, какъ совершеннѣйшее искупленіе. Эту черту мы называемъ *обезразличеніемъ* представленій и понятій.

Такія черты латинскаго мышленія весьма облегчаютъ богословамъ построеніе ихъ системы и поле-

мику съ иновѣрцами; потому что даютъ возможность на каждый случай подыскать особое объясненіе и чрезъ то избѣгать явнаго противорѣчія. Такъ, когда дѣло идетъ о необходимости для человѣка искупленія во Христѣ, тогда первородный грѣхъ понимается и въ положительномъ смыслѣ, а когда только—о безпорочномъ зачатіи, тогда—только въ отрицательномъ смыслѣ. Такъ, когда говорится о свободѣ вообще людей, тогда признается и ея измѣняемость, и необходимость для нея испытанія, а когда о безгрѣшности Богоматери, тогда вводится въ рѣчь и представленіе о неизмѣнности свободы вообще. Чтобы превознестъ Богоматерь выше всѣхъ тварей, надѣляютъ Ее всѣми дарами благодати съ самаго зачатія, и даже неизмѣнной свободой,—а чтобы объяснить Ея страданія и скорби на землѣ, прибѣгаютъ къ помощи заслугъ, хотя; при чрезвычайномъ обилии благодатныхъ даровъ и неизмѣнности свободы, заслуги не имѣютъ никакого смысла. Подобнымъ же образомъ облегчается и полемика, ибо неопредѣленность слововыраженія даетъ возможность придавать словамъ и обще-вселенскій православный смыслъ и удерживать свой собственный,—и такимъ образомъ пользоваться обоюдностію и неопредѣленностію — и при случаѣ выставлять на видъ то, что нужно. — Такъ слово *зачатіе* латинскіе богословы удерживаютъ въ формулѣ догмата безъ всякаго ограниченія, объясненія или дополненія, и предоставляютъ его понимать въ прямомъ, непосредственномъ смыслѣ; но когда имѣется въ виду полемика, тогда подъ это слово подкладываютъ два представленія,—одно непосредственное, а другое чисто латинское. И потому, если бы кто сказалъ, что въ настоящемъ состояніи человѣка падшаго не можетъ быть непорочнаго зачатія, по самому существу дѣла,—то защитникъ догмата тотчасъ и прибѣгаетъ къ обоюдности своего выраженія. Да, скажетъ онъ, плотское зачатіе не можетъ быть непорочнымъ, — но мы и не признаемъ его чистымъ;—мы разумѣемъ другое зачатіе, такъ называемое, *страдательное*, т. е. твореніе души Богомъ и введеніе ея въ тѣло Маріи.—Возражающій опять можетъ спросить:— но въ такомъ случаѣ всякое зачатіе будетъ непорочно, ибо Богъ творитъ и душу аждага человѣка и вводитъ ее въ тѣло?— И на это опять согласится латинскій защитникъ догмата: совершенно справедливо, если бы каждая душа получила отъ Бога столько же благодати, сколько душа Маріи ради Ея будущаго предназначенія.—Подобнымъ образомъ придуманы слова: *предварительное искупленіе*. Слово *искупленіе* отражаетъ возраженіе, что непорочно-зачатая Дѣва не нуждалась будто бы въ искупленіи, чего нельзя допустить, — а слово *предварительное* удерживаетъ латинскій смыслъ. Св. Дѣва была искуплена какъ и всѣ, но только при самомъ

зачатіи, а не послѣ, какъ мы — И такъ далѣе въ этомъ родѣ¹⁾. Мы уже видѣли достоинство этихъ представленій самихъ въ себѣ, т. е. по ихъ существу.

При такихъ свойствахъ латинскаго мышленія нельзя ожидать отъ доказательствъ, приводимыхъ въ пользу непорочнаго зачатія, внутренней логической правды. Во первыхъ: такъ какъ сущность предмета оставляется въ сторонѣ, и самыя представленія о немъ не получаютъ строгаго и точнаго разграниченія и опредѣленія, — то и доказательства выводятся не изъ *существа* предмета, а изъ разсмотрѣнія *отношеній*. Таковъ исходный пунктъ всѣхъ доказательствъ точки зрѣнія *приличія*. Въ предшествующемъ изслѣдованіи мы видѣли, что эта точка зрѣнія не требуется существомъ ученія о грѣхѣ, о нашемъ искупленіи во Христѣ и о достоинствѣ Богоматери; напротивъ даже, она отвергается имъ. Мы видѣли, что это только—предположеніе, порожденное благочестивымъ чувствомъ. — Предположеніе и остается предположеніемъ, какъ увидимъ ниже.—Вовторыхъ; отношенія предметовъ, не выведенныя изъ существа ихъ, въ представленіи мыслителя могутъ разнообразиться до безконечности, и если мыслятся такъ или иначе, то только по внѣшнему опредѣленію, по волѣ мыслителя; не потому, что того требуется существо предмета, а потому, что того желаетъ мыслитель; въ его произволѣ заключается опредѣленіе существа отношеній.—Но чтобы *произвольное* мыслилось, какъ основаніе, для этого необходимо, чтобы оно мысли-

¹⁾ Образчикомъ такого свойства мышленія и изложенія христіанскаго вѣрученія можетъ служить Пространный Римско-Католическій Катихизисъ Стацевича, назначенный для католиковъ, обучающихся въ русскихъ школахъ. Въ немъ разности между православнымъ и латинскимъ вѣроученіями ступешаны, латинскія представленія, гдѣ можно, прикрыты православными терминами. Такъ напр. латинское ученіе о сокровищницѣ Церкви или о заслугахъ святыхъ—прикрыто выраженіемъ: *сообщеніе или общеніе святыхъ*, индугенціи—выраженіемъ—*епитимія*, и под.

При этомъ случаѣ нельзя не упомянуть объ извѣстномъ профессорѣ Мелерѣ. Это одинъ изъ выдающихся латинскихъ богослововъ. Вотъ, по нашему мнѣнію, его замѣчательная особенность. Въ своихъ представленіяхъ онъ нерѣдко выпалъ до представленій чисто православныхъ; и когда полемизировалъ съ протестантами,—то онъ выставлялъ на первый планъ именно эти представленія, представленіямъ же латинскимъ давалъ второстепенное значеніе, сокращая и скрадывая сіи послѣднія. Въ этомъ-то именно способѣ изложенія и заключается сила полемики Мелера.

При этомъ еще одно замѣчаніе. Латинскіе богословы, напр. Фесслеръ или Гергенретеръ, въ своихъ „Исторіяхъ Церкви“—особенно любятъ останавливаться на разсужденіяхъ о значеніи католичества въ развитіи европейской культуры. Нельзя ничего сказать противъ этого,—но слѣдуетъ замѣтить, что богословы совершенно забываютъ различить существо христіанства отъ его формы, въ какой оно явилось на Западѣ, т. е. формы латинской, папистической. То влияніе, какое принадлежитъ существо христіанства,—влияніе, безспорно, благотворное,—они нераздѣльно приписываютъ и его формѣ. Но это еще вопросъ: насколько папизмъ былъ благотворенъ для западнаго человѣчества?..

лось, какъ *необходимое*, какъ безусловное. Отсюда и происходитъ та особенность въ доказательствахъ, приводимыхъ въ пользу новаго догмата,—что представленія произвольныя мыслятся, какъ необходимыя.

Всѣ эти, раскрытыя нами, особенности латинскаго мышленія съ наглядною очевидностію откроются предъ нами при обзорѣи всѣхъ доказательствъ, на которыхъ опирается догматъ непорочнаго зачатія. Начнемъ съ Радберта Пасхазія.

Радбертъ Пасхазій первый понялъ *освященіе св. Дѣвы* отъ чрева матери, въ смыслѣ *освобожденія отъ первоуроднаго грѣха*, или какъ въ послѣдствіи выражались, въ смыслѣ предварительнаго и совершеннаго искупленія. Къ такому пониманію дѣла привело его празднованіе Церковію рождества Богородицы. „Если бы рождество Ея не было святымъ и преславнымъ, то никогда въ честь его не совершалось бы повсюднаго и всеобщаго торжества. Если же оно совершается, то это значитъ, что св. Дѣва не имѣла никакого грѣха“.—„Церковь, продолжаетъ онъ, празднуетъ только три рождества: Христа Спасителя, Богородицы и Иоанна Крестителя. Рождество Спасителя празднуется потому, что оно безсѣмное, пречистое;—рождество Иоанна—потому, что онъ былъ освященъ еще во чревѣ матери. Слѣдовательно, и рождество Маріи празднуется потому же, что Она была освящена Духомъ Святымъ, какъ и требовало того Ея высокое достоинство”¹⁾. Въ послѣдствіи времени подобное основаніе стали приводить и въ пользу непорочнаго зачатія. „Потому-то непорочное зачатіе и существуетъ, что его празднуетъ Церковь“.

Не смотря на свою видимую стройность и доказательность — умозаключеніе содержитъ въ себѣ внутреннюю фальшь, и обманываетъ читателя только своею видимостію. Во первыхъ: *святость* рождества Богородицы выводится не изъ существа дѣла,—а изъ внѣшней причины. Если бы мыслитель разсуждалъ по существу дѣла, если бы онъ взялъ во вниманіе вопросъ о происхожденіи людей послѣ паденія, вопросъ о плотскомъ рожденіи и о необходимости для рожденія по плоти въ духовномъ возрожденіи (какъ нами это раскрыто выше), то онъ бы пришелъ къ мысли, что святаго рожденія отъ падшихъ родителей,—святаго въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ это латиняне,—не было и не можетъ быть. Въ такомъ случаѣ дѣйствіе было бы больше своей причины, что составило бы логическую несообразность. Но вмѣсто этого мыслитель опредѣляетъ внѣшней причиной: потому рожденіе свято, что его празднуетъ Церковь. Но очевидно, такимъ образомъ доказывается не *существованіе факта* святаго рожде-

ства,—а существованіе въ Церкви *представленія* о святости рождества. Церковь потому празднуетъ рождество Богородицы, что *представляетъ* его себѣ *святымъ*. Но въ такомъ случаѣ доказательство переходитъ къ другому вопросу: на какомъ основаніи Церковь составила себѣ такое представленіе? Откуда она узнала о безусловной святости рождества Богородицы? Гдѣ это открыто въ Писаніи, или въ Преданіи? Словомъ, тоже надо сказать и о святости рождества, что мы уже раскрыли и о святости зачатія? Отвѣтомъ на эти вопросы у Пасхазія служитъ указаніе на авторитетъ Церкви. Если празднуется рождество Богородицы, то въ силу авторитета Церкви, это значитъ, что оно *свято*. Но въ такой ссылкѣ на авторитетъ Церкви и другое понятіе — и авторитетъ, и Церковь, берутся въ отвлеченномъ смыслѣ, какъ нѣчто внѣ насъ стоящее, и только въ такомъ способѣ представленія полагается сила указанія. Но если мы отвлеченное представленіе о Церкви перемѣнимъ въ живое представленіе о ней, какъ совокупности вѣрующихъ, управляемыхъ пастырями и руководимыхъ Духомъ Св.,—то мы придемъ опять къ прежнему вопросу, — съ чего взяли вѣрующіе праздновать рождество Богородицы, какія мысли руководили ихъ при установленіи этого праздника? Отвѣтъ на это мы православные имѣемъ прямой: Церковь установила праздновать рождество Богородицы не ради святости самаго рождества — ибо она исповѣдуетъ оное совершившимся подъ осужденіемъ, въ болѣзняхъ, какъ и другихъ людей, — но ради достоинства и славы самаго лица—Богородицы. Въ подобномъ же смыслѣ она празднуетъ и рожденіе Иоанна Крестителя, какъ Предтечи Господня, какъ большаго изъ рожденныхъ женами. Тогда какъ латиняне даютъ другой отвѣтъ, но ни на чемъ не основанный; они празднуютъ рождество Богородицы потому, что оно свято, — а какъ бы оно не было свято, было подъ осужденіемъ, въ болѣзняхъ, — то они не стали бы его праздновать. Значитъ, они празднуютъ не потому, что того требуетъ достоинство лица Богородицы, а потому, что падшимъ родителямъ *удалось родить святое чадо*. Но такое представленіе требуетъ своего основанія, котораго нѣтъ и не можетъ быть.

Во вторыхъ; въ умозаключеніи Пасхазія заключается логическій кругъ. Церковь празднуетъ рождество Богородицы, потому что оно свято. Это первое положеніе, — а второе: рождество Богородицы потому свято, что его празднуетъ Церковь. Что же чему служитъ основаніемъ и доказательствомъ: празднованіе ли доказываетъ святость рождества, или святость рождества служитъ основаніемъ празднованія. Пасхазій, стоя въ этомъ кру-

¹⁾ Zum Lobe.. стр. 34.

гу, прибѣгаетъ къ помощи то перваго, то втораго положенія. Если бы рождество не было свято, говоритъ онъ,—то Церковь не праздновала бы его—значить, свято сть рождества служить основаніемъ праздника;—а такъ какъ она празднуетъ, то значить *рождество свято*. Такое превращеніе искомой истины въ основаніе и основанія въ выводъ—обычное явленіе въ латинскомъ мышленіи. Оно повторяется во всѣхъ доказательствахъ непорочнаго зачатія, какъ увидимъ ниже.

Въ третьихъ: святость Дѣвы Маріи въ Ея рождествѣ понята въ смыслѣ совершеннаго освобожденія отъ грѣха, разумѣется, первороднаго. Но на чемъ основано такое пониманіе? Оно ни на чемъ не основано, ни откуда не можетъ быть выведено и совершенно противорѣчитъ тайнѣ нашего искупленія во Христѣ. Слѣдовательно, оно произвольно, — имѣетъ основаніе не въ существѣ истины, а въ воображеніи мыслителя. Такое мышленіе говоритъ само за себя.

Но какъ бы то ни было, основное понятіе догмата было найдено: освященіе Дѣвы Маріи понята было въ смыслѣ совершеннаго освобожденія отъ грѣха. Оставалось только то, что прилагалось къ рожденію, приложить къ зачатію. Это сдѣлалъ, какъ мы видѣли, Дунсъ Скотъ. Признавъ за несомнѣнное единовременность акта плотскаго зачатія и вливаніе Богомъ души въ тѣло, — Скотъ къ этому времени отнесъ и освященіе Маріи или совершенное Ея освобожденіе отъ грѣха, на слѣдующемъ основаніи: Богъ могъ душу Благословенной, по соединеніи ея съ тѣломъ, оставить во власти грѣха или на нѣкоторое время, или только на одну минуту, а потомъ тотчасъ освободить ее, или же въ первомъ моментѣ бытія влить въ Нею столько благодати, сколько другимъ душамъ давалось въ обрѣзаніи или теперь дается въ крещеніи. Въ послѣднемъ случаѣ душа Ея не имѣла бы первороднаго грѣха, какъ не имѣла бы его, когда бы была крещена. И если оскверненіе плоти было въ первомъ моментѣ, не было никакой необходимой причины оскверненія души, какъ это бываетъ и послѣ крещенія, когда, какъ многіе думаютъ, — оскверненіе тѣла остается, а оскверненіе души не остается. Какая изъ этихъ трехъ возможностей совершилась на св. Дѣвѣ, о томъ знаетъ одинъ Богъ. Если не будетъ противорѣчія авторитету Церкви и Писанія, то лучше всего приложить Маріи то, что славнѣе для Нея”.

Послѣ того утонченный схоластикъ толкуетъ освященіе души Маріи, какъ совершеннѣйшее искупленіе, единственное, предварительное, утверждая при томъ, что не будь такого искупленія, хоть въ одномъ случаѣ, Спаситель на былъ бы совершеннѣйшимъ Искупителемъ. Затѣмъ примиряетъ скорби

Маріи съ Ея благодатнымъ райскимъ состояніемъ, о чемъ мы уже имѣли случай говорить.

Всѣ эти доказательства Дунса Скота современнымъ латинскимъ богословамъ кажутся весьма основательными, весьма остроумными и при этомъ весьма скромными, чрезъ что заявляется внутреннее средство современнаго мышленія съ мышленіемъ древнихъ схоластиковъ. Намъ же, православнымъ богословамъ, воспитаннымъ иначе, всѣ эти утонченныя умозаключенія средневѣковаго мышленія кажутся ничѣмъ инымъ, какъ пустымъ бесплоднымъ мудрованіемъ, не имѣющимъ ни малѣйшаго объективнаго, общеобязательнаго значенія, и если могутъ имѣть какой-нибудь интересъ въ нашихъ глазахъ,—то развѣ только археологическій.

Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь мыслятся только личныя представленія, ни на чемъ неоснованныя, но существующія только въ фантазіи мыслителя. Такъ, во первыхъ, на чемъ основано совпаденіе въ одномъ моментѣ времени двухъ актовъ, человѣческаго и Божественнаго, вливаніе сѣмени и вливаніе души,—предположеніе по существу своему нелѣпное и по своему характеру столько противное религіозному чувству, что одно въ состояніи оттолкнуть здравого смыслаго челоуѣка отъ новоизмышленнаго догмата. Мы уже разобрали его, когда говорили о немъ по существу,—а въ настоящемъ случаѣ можемъ выразить только свое удивленіе, какъ современные латинскіе богословы свыклись съ такими и подобными представленіями и не чувствуютъ въ нихъ всей очевидной грубости и изумляющей нелѣпости!

Во вторыхъ. Основныя понятія въ умозаключеніи *первородный грѣхъ и благодать*—мыслятся въ чувственно-реальной формѣ и только въ этой формѣ. Грѣхъ мыслится и какъ реальная сила, живущая въ тѣлѣ и тотчасъ овладѣвающая душой, какъ скоро душа войдетъ въ тѣло,—и какъ такая осязательная скверна, которая тотчасъ же передается душѣ и пятнаетъ ее въ моментъ соединенія, и пятнаетъ такъ, что послѣ того уже никакою благодатію нельзя смыть этого пятна. Также и благодать мыслится, какъ такая чувственно-реальная сила, которая отражаетъ власть грѣха или его скверну, или какъ такая вещественная сила, которая подлежитъ представленіямъ измѣренія, количественности. Душѣ Маріи при соединеніи ея съ оплодотвореннымъ зародышемъ дано *столько* благодати, сколько давалось вѣрующему въ обрѣзаніи, или теперь дается въ крещеніи; данная въ маломъ *количествѣ* благодать во время зачатія отражаетъ скверну первороднаго грѣха отъ новообразуемаго челоуѣка.

Произвольность такихъ представленій о грѣхѣ и благодати до того здѣсь очевидна, а между тѣмъ чувственно-реальная форма до того необходима, что какъ скоро мы замѣнимъ эти представленія другими

болѣе соотвѣтствующими существу дѣла; то доказательность Скота утратить свою силу.

Выше мы раскрыли, что въ понятіи о первородномъ грѣхѣ содержатся два представленія—одно о поврежденіи всего состава человѣка и другое объ осужденіи и потерѣ благодати. Какимъ образомъ передается грѣхъ отъ родителей дѣтямъ? — какимъ образомъ передается поврежденіе природы вмѣстѣ съ осужденіемъ? — вопроса этого по существу мы рѣшить не можемъ, — но гадательно и съ большею вѣроятностію можемъ рассуждать объ немъ. Такъ какъ произвольный грѣхъ, не смотря на то, что онъ есть явленіе нравственной природы человѣка, — производитъ болѣе или менѣе очевидное вліяніе на весь составъ человѣка, перѣдко отражается во внѣшнемъ видѣ, въ его фізіономіи, — то естественно, что онъ кладетъ печать поврежденія и на тотъ матеріалъ, изъ котораго зарождается человѣкъ, — въ самое сѣмя человѣческое вноситъ испорченность, которая въ послѣдствіи принимаетъ болѣе или менѣе широкіе размѣры. — Если на заражаемый и чревоносимый плодъ нравственное состояніе родителей и особенно матери, — ихъ вѣра, благочестіе, цѣломудріе, воздержаніе, передается дѣтямъ, — то равно и дурныя расположенія передаются такимъ же образомъ, — будетъ ли эта передача происходить чрезъ нервную систему, или чрезъ кровь, или еще какимъ-либо духовнымъ способомъ. Какъ бы то ни было, только составъ человѣка уже имѣетъ сѣмя или начало растлѣнія и въ этомъ смыслѣ можетъ быть названъ оскверненнымъ; т. е. ему сообщена возможность будущихъ злыхъ проявленій, злое начало, или удобопреклонность ко грѣху. Эта-то возможность злыхъ проявленій, переходящая въ дѣтяхъ такъ скоро въ дѣйствительность, и составляетъ не физическую, но именно нравственную скверну человѣка. — Отсюда уже становится понятнымъ, какимъ образомъ переходитъ на человѣка осужденіе Божіе, и онъ лишается благодати Божіей. Новорожденный человѣкъ есть плоть отъ плоти, кость отъ костей надшаго и осужденнаго Адама. Онъ есть его продолженіе, воспроизведеніе, повтореніе; ему сообщена порча, начавшаяся въ раю и вызвавшая и продолжающая вызывать судъ Божій.

Если мы примѣнимъ теперь наши представленія о грѣхѣ къ умозаключенію Дунса Скота, удержавъ даже и его представленіе о введеніи души въ тѣло Маріи, то умозаключеніе дѣлается невозможнымъ. Нельзя будетъ говорить, оставлялъ или не оставлялъ Богъ душу Маріи на нѣкоторое время въ соединеніи съ зараженнымъ или поврежденнымъ тѣлеснымъ составомъ, а надо будетъ сказать такъ: Богъ, вводя новосотворенную душу Маріи въ тѣлесный составъ, полученный отъ родителей съ растлѣніемъ, — могъ

или на нѣкоторое время замедлить исправленіемъ и испѣленіемъ поврежденнаго состава или же немедленно исправить. Для славы Богоматери лучше представлять послѣднее. Но въ такомъ случаѣ существенно измѣняется все представленіе Дунса Скота о непорочномъ зачатіи. Въ такомъ случаѣ оно будетъ состоять не въ снабженіи души Маріиной благодатию въ такой мѣрѣ, въ какой дается въ крещеніи, а въ новомъ актѣ райскаго творчества; не изъ чистаго ребра Адамова, — какъ въ раю, но изъ нечистаго сѣмени творится новое райское созданіе, — вторая Ева, а это чудо, — такъ сказать, чудеснѣе райскаго творчества. — Въ такомъ случаѣ никакъ нельзя будетъ сказать, что Богъ въ такомъ количествѣ влилъ въ душу Маріи благодать, что возможность грѣха, сообщенная тѣлесному составу, не прикоснулась Ея души, — но нужно будетъ сказать, что Богъ своею чрезвычайною благодатию уничтожилъ въ Ней вообще самую возможность, и то, что во всѣхъ остальныхъ людяхъ дѣлается трудами цѣлой жизни, въ Ней совершилъ однимъ мгновеніемъ, одною своею властію, — однимъ своимъ хотѣніемъ. Какъ скоро такимъ образомъ создано было новое совершенное твореніе, связь котораго съ родителями была прервана насильственнымъ актомъ творчества, — то уже, какъ само собою понятно, оно не подлежало суду Божію и лишенію благодати, — но жило райскою жизнью, и если страдало, то страдало для приобрѣтенія заслугъ и увеличенія будущей своей славы. — Съ измѣненіемъ такимъ образомъ представленій о первородномъ грѣхѣ измѣняется и все мудрованіе Дунса Скота, а отсюда со всею наглядностію открывается, что вся сила доказательствъ заключается не въ существѣ дѣла, а въ той произвольной формѣ, въ какой предлагаются аргументы; *мыслится не самый предметъ, но только личное представленіе о немъ самого мыслителя.* Такое мышленіе не имѣетъ, повторяемъ, ни малѣйшаго объективнаго значенія; оно не можетъ быть названо — *логическимъ.* А между тѣмъ латинская Церковь, утвердивъ догматъ непорочнаго зачатія, усвоила себѣ вполне не только представленіе Дунса Скота, но и самую форму ихъ, — или иначе, — самое мышленіе.

Остается намъ оцѣнить логическое достоинство представленій Дунса Скота о совершеннѣйшемъ искупленіи. Мы уже говорили объ этомъ предметѣ по существу, теперь скажемъ только со стороны формальной. Мы уже видѣли, утонченный докторъ рассуждаетъ о томъ, что Искушитель *могъ* и потому что *долженъ былъ* сдѣлать для того, чтобы исполнить свое дѣло не просто совершеннымъ, но и совершеннѣйшимъ образомъ. — Какъ слѣдуетъ судить о такомъ родѣ представленій? Если бы такое мышленіе не извинялось неопытностію и отважностію молодыхъ мы-

слительныхъ силъ, а съ другой стороны, отсутствіемъ здраваго церковнаго руководства, — (ибо высшая церковная власть, въ томъ числѣ и папы, участвовали въ общемъ схоластическомъ движеніи), — то его слѣдовало бы назвать величайшею дерзостію ума человѣческаго, богохульнымъ посягательствомъ на разумъ Божій;—ибо въ такого рода соображеніяхъ разумъ человѣческой становится судіею Бога. Между тѣмъ мы не о томъ должны размышлять или вообразать, что Богъ могъ сдѣлать болѣе или менѣе совершеннаго, но познавать то, что Онъ сдѣлалъ и что намъ открылъ изъ сдѣланнаго, — познавать дѣла Божіи, какъ всегда совершенныя и совершеннѣйшія, какъ всегда полныя проявленія Божества всегда Себѣ равнаго. Не смѣшно ли было бы, еслибы естествоиспытатели стали разсуждать не о томъ, что видятъ въ природѣ, а о томъ, что Богъ могъ сотворить болѣе совершеннаго? Такое разсужденіе было бы бесполезнымъ и празднымъ мечтаніемъ. Тоже должно сказать о Дунсѣ Скотѣ, сочиняющемъ какое-то невозможное совершеннѣйшее искупленіе, и о всѣхъ другихъ богословахъ, приѣмлющихъ его измышления и одобряющихъ оныя похвалами въ превосходной степени!

Ученикъ Скота, Майрони въ своихъ доказательствахъ пользуется другимъ способомъ, чѣмъ — его учитель, именно, умозаключеніемъ *ad absurdum*, но свойство мышленія его одно и тоже съ тѣмъ. По его разумѣнію, зачатіе Дѣвы Маріи во грѣхѣ приводитъ къ нелѣпнымъ выводамъ. „Еслибы Марія, разсуждаетъ онъ, зачата была въ первородномъ грѣхѣ, то вышло бы слѣдующія три несообразности: а) Она была бы нѣкоторое время *дочерью діавола*, б) по чистотѣ своей *уступала бы Ангеламъ*, и в) Ее нельзя бы было назвать *непорочною по душѣ и по тѣлу*“. Для обоснованія такой постановки дѣла Майрони входитъ въ разсмотрѣніе существа первороднаго грѣха и приходитъ къ той мысли, что грѣхъ не есть что-нибудь положительное, но *чисто-отрицательное* явленіе; онъ есть ничто иное, какъ утрата освящающей благодати, а съ нею первобытной праведности и святости.

Такимъ образомъ вся сила доказательствъ Майрони основывается на ученіи о *существованіи первороднаго грѣха*. Но мы уже видѣли, что такое пониманіе *существа* грѣха есть чистое предположеніе (и ктому же еще невѣрное), о которомъ латинская Церковь, по словамъ еп. Мартина, не дала еще своего рѣшительнаго приговора и которое потому не необходимо для спасенія. Дальше этого достоинства оно и не можетъ пойти, потому что существо грѣха, по сознанію самихъ же латинскихъ богослововъ (Шабенъ), есть тайна, недовѣдомая человѣку. Поэтому и строить

на такомъ предположеніи что нибудь твердое, какой-нибудь общеобязательный догматъ, совсѣмъ нелогично; ибо въ такомъ случаѣ выходитъ странное противорѣчіе: въ одномъ отдѣлѣ Богословія ученіе о существѣ первороднаго грѣха выдается какъ мнѣніе богословской школы и не считается необходимымъ для спасенія, а въ другомъ отдѣлѣ—на немъ зиждется догматъ вѣры необходимый для спасенія.

Затѣмъ, въ самыхъ умопредставленіяхъ Майрони заключается внутреннее противорѣчіе. Первородный грѣхъ, по его представленію, есть чисто отрицательное явленіе, а между тѣмъ сказанныя несообразности предполагаютъ и положительную его сторону: первородный грѣхъ не есть только утрата благодати вмѣстѣ съ первобытной праведностію и святостію, но онъ еще дѣлаетъ человѣка *чадомъ діавола*, *оскверняетъ и пятнаетъ* его до несмыслаемости, до невозможности потомъ загладить учипенное оскверненіе и поврежденіе. Если бы онъ былъ только утратою благодати, то возвращеніе потеряннаго восполняло бы недостатокъ, въ такомъ случаѣ не могло бы быть и рѣчи о сродствѣ съ діаволомъ, и о прежней сквернѣ и бывшемъ пятнѣ. Но, по представленію Майрони, послѣ прикосновенія грѣха къ Дѣвѣ Маріи уже никакой благодати недостаточно смыть это прикосновеніе грѣха. Такое представленіе о *несмыслаемости* прикоснувшись грѣха обще всѣмъ схоластикамъ, напр. Томъ Аквинату и папѣ Иннокентію V, какъ это мы уже видѣли выше. Оно обще и всѣмъ позднѣйшимъ латинскимъ богословамъ. На немъ основывается самое главное доказательство непорочнаго зачатія. Потому-то Дѣва Марія и зачата непорочно, что въ противномъ случаѣ: Она не могла бы считаться *чистой и непорочною*, хотя бы впоследствии и была преисполнена освящающей благодатію. Здѣсь, повторяемъ, заключается очевидное противорѣчіе. Значитъ, первородный грѣхъ имѣетъ не отрицательную только сторону, но и положительную, — есть не только утрата благодати и первобытной праведности, но и положительное оскверненіе и поврежденіе природы, которое можетъ быть замѣчено, не исправлено.

Такое противорѣчіе въ латинскомъ мышленіи очень естественно и для насъ очень понятно, когда мы знаемъ, что латинскіе богословы мыслятъ не самый предметъ по его существу, а тѣ произвольныя формы, въ какихъ они представляютъ его себѣ, — мыслятъ не первородный грѣхъ, а чувственно-реальныя его представленія, созданныя ими, какъ мы это уже видѣли у Дунса Скота, а выше у Тома Аквината. По ихъ представленію, слѣды грѣха въ ново-созданной душѣ существуютъ или какъ шрамы послѣ вылеченныхъ ранъ, или какъ ничѣмъ незна-

градимая и ничѣмъ непоправимая потеря дѣвической чести. Отсюда и происходитъ у богослововъ это напряженное усиліе сохранить Дѣву Марію еще въ самомъ зачатіи отъ соприкосновенія съ первороднымъ грѣхомъ.

Послѣ того, что мы уже сказали о доступѣ діавола къ человѣку послѣ паденія сего послѣдняго,—представленіе Майрони о томъ, что причастіе Дѣвы Маріи первородному грѣху сдѣлало бы Ее дочерью діавола, не имѣетъ никакой силы. Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ, что человѣческій зародышъ, только что возбужденный къ развитію сѣменемъ, и какъ требуетъ булла, снабженный разумной душой, — за причастіе къ первородному грѣху немедленно становится чадомъ діавола! Такое представленіе согласна ли съ здравымъ человѣческимъ смысломъ? Мы говоримъ и утверждаемъ, что пока младенецъ во чревѣ матери, онъ живетъ не только ея тѣлесною, но и духовною жизнью; онъ освящается ея вѣрою, молитвою и благочестіемъ, если она вѣрующая и благочестивая женщина. Мы говоримъ также и утверждаемъ, что грѣхъ хотя и открылъ діаволу доступъ къ человѣку и далъ ему возможность распространить свою власть въ мірѣ, но это нисколько не значитъ, что зачинаемая и чревоносимая дѣти суть усыновленные чада діавола: напротивъ, мы знаемъ, что чада обѣтованія принадлежатъ Богу не только вообще съ чрева матери, но еще отъ сложенія міра. По этому, хотя мы и говоримъ, что св. Дѣва была причастна первородному грѣху въ своемъ зачатіи, но при этомъ утверждаемъ, что Она освящалась благодатію по вѣрѣ праведной своей матери и какъ чадо ея молитвъ, ея вѣры и благочестія, всегда была чадомъ Божіимъ, предъизбранною и возлюбленною дочерію Господа.

Итакъ три несообразности Майрони суть плоды его произвольныхъ представлений, мыслимыхъ однако въ качествѣ необходимыхъ и безусловныхъ.

Подобнымъ же образомъ, какъ Майрони, богословствуютъ базельскій Іоаннъ фонъ Сеговіа и Альфонсъ Лигуоріо, только съ большею положительностію и увѣренностію, чѣмъ тотъ. У нихъ тѣже представленія о первородномъ грѣхѣ и тотъ же способъ умозаключеній къ абсурду, только предлагаемый въ нѣсколько иной формѣ. Одинъ—зачатіе, причастное прародительскому грѣху, разсматриваетъ какъ состояніе, уравнивающее всѣхъ и грѣшныхъ и спасаемыхъ,—другой—какъ состояніе оскверненія, уродства и рабства діаволу, и тоже опять какъ состояніе одинаковое и равное для всѣхъ и грѣшныхъ и спасаемыхъ. „Благочестиво ли учить, спрашиваетъ Сеговіа, что душа Матери Божіей въ своемъ происхожденіи не имѣла никакого преимущества предъ ду-

шею Магомета или Іуды Искаріотскаго“? По нашему представленію, отвѣтъ на этотъ вопросъ самый простой: что касается общихъ законовъ происхожденія, Матерь Божія не имѣла никакого преимущества предъ Магометомъ и Іудою,—какъ и предъ другими людьми, — но по вѣрѣ и благочестію родителей, съ одной стороны, и по предъизбранію Божію и благодати, съ другой,—имѣла несравнимое преимущество: Она родилась освященною въ превосходной степени. Поэтому постановка, данная базельскимъ богословомъ вопросу о зачатіи Богоматери и названная нынѣшнимъ богословомъ *искусною*, весьма неосновательна и обличаетъ собою спутанность и неопредѣленность представленій мыслителя. Подобно сему разсуждаетъ и Лигуоріо. „Было бы неприлично І Христу родиться отъ скверной, искалѣченной и діаволомъ одержимой жены. Прилично ли было родиться Ему и отъ жены, которая по крайней мѣрѣ нѣкоторое время была по душѣ скверной, предметомъ гнѣва Божія, невольницей люцифера“. Отвѣтимъ на это: такъ невозможно, что безразсудно и задаваться такими вопросами.

Такого рода обороты, какъ средства доказать истину,—самой низкой пробы. Въ нихъ богословы не истину раскрываютъ, а создаютъ свои собственные призраки, воображаютъ нѣчто страшное и такимъ образомъ стараются поразить, привести въ ужасъ слушателя или читателя, подавить не только его мысль, но и самое воображеніе. Въ самомъ дѣлѣ, страшно и подумать о томъ, чтобы кто-нибудь осмѣлился предположить рожденіе Христа Спасителя отъ такой жены, какую изображаетъ Лигуоріо, — страшно подумать о тѣхъ богохульныхъ людяхъ, которые имѣютъ дерзость проповѣдывать такое ученіе. Но въ томъ-то и дѣло, что всѣ эти ужасы суть собственные вымыслы такихъ богослововъ, какъ Лигуоріо, ихъ собственные привидѣнія и страхи. Такъ можно разсуждать о какомъ угодно предметѣ, и о какомъ угодно, самомъ благомыслящемъ и непогрѣшимомъ противникѣ; потому что въ такой полемикѣ не противникъ побивается, а тотъ призракъ, который выдуманъ мнимымъ борцемъ истины. Это обыкновенный пріемъ безсильнаго мышленія: представить мысль противника въ ужасномъ видѣ и затѣмъ взять на помощь фигуру вопрошенія, восклицанія и выраженія ужаса. Успѣхъ несомнѣненъ, дѣйствіе будетъ самое рѣшительное: ужасъ охватитъ слушателя или читателя, и онъ съ отвращеніемъ отвернется отъ противника, не входя съ нимъ ни въ какія дальнѣйшія объясненія. Само собою разумѣется, что такой эффектъ расчитанъ на такого рода слушателей и читателей, которыхъ можно уловлять подобными пріемами.

Слѣдуетъ однако же замѣтить, что такой рѣши-гельный тонъ, какимъ говорятъ Сеговіа и Лигуоріо, свидѣтельствуешь, что увѣренность латинскихъ богослововъ въ непорочномъ зачатіи значительно стала крѣпче, чѣмъ у Дунса Скота, и даже у Майрони,— и хотя не умножилось число доказательствъ, за то возросла сила чувства. Въ этихъ богословахъ говорить не убѣжденіе разума, основанное на изученіи существа дѣла, а сила чувства, — и потому-то они и выражаются такимъ энергическимъ, если не сказать чудовищнымъ образомъ.

Чтобы убѣдиться въ справедливости нашихъ словъ, довольно рассмотреть дальнѣйшее теченіе мыслей Альфонса Лигуоріо, несомнѣнно благочестиваго человѣка, но, какъ видно, несильнаго мыслителя. — Продолжая свою рѣчь, онъ говоритъ о томъ, что святѣйшій Богъ съумѣлъ приготовить для себя святое и чистое отъ всякой скверны жилище¹⁾, — что совершенно справедливо и не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію и возраженію. Доказывать усиленно общепризнаваемую мысль — не значить ли это отводить глаза отъ сущности дѣла. Вопросъ не въ томъ, съумѣлъ ли Богъ приготовить Себѣ чистое жилище, — но въ томъ, что освященіе этого разумнаго жилища совершилось не послѣ рожденія, не въ самомъ рожденіи и не предъ рожденіемъ только, но въ самомъ зачатіи, — а на это-то нѣтъ и не можетъ быть доказательства. Чтобы доказать собственно *непорочное зачатіе*, Лигуоріо прибѣгаетъ къ такому разсужденію: „Ты, Господи, поетъ св. Церковь, не отвратился отъ нѣдръ св. Дѣвы. — Да, Онъ отвратился бы отъ нѣдръ всякой другой дѣвы, хотя бы и очень святой, — но не отъ нѣдръ Маріи, Которую Онъ удостоилъ своею особою любовію, чтобы Она оставалась чистой отъ всякой грѣховной скверны и никогда не была заражена ядомъ враждебнаго змія“. Въ этихъ словахъ сосредоточена вся сила доказательства. Мысль, выраженная въ нихъ, въ краткомъ видѣ можетъ быть передава такъ: „Богъ не отвратился отъ Дѣвы Маріи потому, что по любви къ Ней очистилъ Ее отъ первороднаго грѣха въ самомъ зачатіи, — а отъ другихъ дѣвъ хотя бы и очень святыхъ отвратился, потому что не очистилъ ихъ въ зачатіи отъ первороднаго грѣха“. — Въ такомъ оборотѣ рѣчи, кромѣ того, что Богу приписывается чистый произволъ въ Его отношеніяхъ къ людямъ, — извращено еще и логическое теченіе мыслей: мысль, которую слѣдовало доказать, сама стала доказательствомъ. Потому-то Богъ и избралъ св. Дѣву, что даровалъ Ей *непорочное зачатіе*; или: „потому-то и нужно принимать непорочное зачатіе, что Богъ удостоилъ Ее непоро-

¹⁾ См. выше стр. 77, 78.

чного зачатія“. — За симъ, какъ бы въ доказательство этой мысли приводятся свидѣтельства изъ Августина и Кирилла Александрійскаго, въ которыхъ говорится не о непорочномъ зачатіи, а вообще о нравственно-свободной чистотѣ и святости Дѣвы Маріи.

Таково мышленіе Лигуоріо. Это мѣсто, которое мы сейчасъ разбирали, — современнымъ латинскимъ богословамъ кажется самымъ увлекательнымъ¹⁾ изъ всего, что было написано о непорочномъ зачатіи. Поэтому можно судить о достоинствѣ вообще латинскаго мышленія!

(Продолженіе будетъ).

Пр. А. Лебедевъ.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Освященіе Годышевской и посѣщеніе Мазовецкой церквей.

1. На сѣверо-восточной окраинѣ Царства Польскаго, пограничной съ Гродненскою губерніею, какими-то по истинѣ недовѣдомыми путями Промысла Божія, уцѣлѣло два уніятскихъ прихода — въ с. Годышевѣ и г. Мазовецкѣ, Ломжинской губерніи, Мазовецкаго уѣзда, которые въ 1875 году, вмѣстѣ со всѣми бывшими въ Царствѣ уніятскими приходами, были возсоединены съ православною Церковію.

Въ с. Годышевѣ съ незапамятныхъ временъ существовала деревянная церковь съ почитаемою окрестными жителями чудотворною иконою Божіей Матери. Церковь эта, по возсоединенію годышевскаго прихода съ православіемъ, признана несоотвѣтствующею достоинству православія и святости мѣста и была разобрана, а вмѣсто ея, до сооруженія каменнаго храма, была построена временная деревянная церковь, ради этой иконы и ради совершенія въ ней Богослуженій. Взамѣнъ этой церкви въ 1881 г. окончена постройкою каменная, о трехъ куполахъ, церковь, вмѣстимостію до 400 человѣкъ, такъ какъ къ приходу оной, съ разрѣшенія св. Синода, въ 1880 году перечислены двѣ деревни изъ смежнаго брянскаго прихода литовской епархіи; мѣстныхъ же годышевскихъ прихожанъ не болѣе 120 душъ обоого пола, еще не окрѣпшихъ въ православіи и чуждающихся своей церкви. Живя на окраинѣ, среди мазуровъ - католиковъ, съ которыми годышевцы большею частію состоятъ въ родствѣ, и находясь съ давнихъ временъ подъ постояннымъ хотя тайнымъ влияніемъ очень ловкихъ въ дѣлѣ совращенія католическихъ ксендзовъ, а каково это влияніе — легко повѣять знающему ихъ духъ и направленіе, они благодаря лишь сосѣдству единоплеменныхъ съ ними жителей Гродненской губерніи, бывшихъ до возсоединенія съ православною церквію въ 1839 году такими же уніятами, сохранили нѣкоторые хотя и слабые остатки и русской народности и вѣры. Апрѣля 26 сего года, въ недѣлю жень Мүроносиць, при громадномъ стеченіи богомольцевъ изъ сосѣднихъ прихо-

¹⁾ См. выше стр. 77.

довъ Гродненской губерніи и двухъ причисленныхъ деревень, а также нѣсколькихъ челоѣкъ мѣстныхъ прихожанъ новосооруженная годышевская церковь была освящена во имя Успенія Божіей Матери Высокопреосвященнымъ Леоніемъ, Архіепископомъ Холмско-Варшавскимъ, въ сослуженіи ключаря собора, благочиннаго Сувалкского округа и четырехъ священниковъ литовской епархіи, настоятелей ближайшихъ приходоѡвъ. Настоятель годышевской церкви, священникъ Григорій Бурса, не участвовалъ въ освященіи церкви, такъ какъ имъ тотъ день, съ разрѣшенія и благословенія Архiepастыря, совершена была во временной церкви ранняя литургія, за которою приобщалось святыхъ таинъ болѣе ста пятидесяти челоѣкъ. Исповѣдывать такое значительное число богомольцевъ помогали настоятелю сказанные священники ближайшихъ церквей, прихожане которыхъ и были этими исповѣдниками, они же главнымъ образомъ были и богомольцами новосвященной церкви.

При окончаніи освященія церкви совершенъ былъ крестный ходъ въ близъ лежащую временную церковь для перенесенія изъ оной въ новую св. мощей и иконы Божіей Матери, которая находилась въ алтарѣ на горнемъ мѣстѣ, устроенномъ на подобіе такихъ же мѣстъ, подъ названіемъ алтарей, въ католическихъ костелахъ. Крестный ходъ этотъ въ тихій и ясный весенній день, при колокольномъ звонѣ, при стройномъ пѣніи умилительнаго воскреснаго тропаря—Христосъ воскресъ — Архiepерейскими пѣвчими, торжественное перенесеніе четырьмя священниками св. иконы Божіей Матери и Архiepастыремъ на главѣ св. мощей, при многочисленныхъ съ умиленіемъ преклоненныхъ низу богомольцахъ, держащихъ въ рукахъ зажженные свѣчи, ходъ этотъ производилъ на всѣхъ участниковъ самое отрадное и вмѣстѣ съ тѣмъ потрясающее до глубины сердца впечатлѣніе.

Св. икона была устлана въ новой церкви на горнемъ мѣстѣ, но лишь временно, такъ какъ, по указанію Его Высокопреосвященства, она со временемъ, по надлежашемъ приспособленіи соотвѣтствующаго мѣста, будетъ поставлена на продолженіи иконостаса у сѣверныхъ дверей, чтобы доставить православнымъ богомольцамъ—и мужчинамъ и женщинамъ — возможность безпрепятственно прикладываться къ ней, къ чему съ давнихъ временъ они привыкли, и лишеніе чего произвело бы на ихъ религіозное чувство самое неблагоприятное и даже вредное для православія вичатлѣніе. На сей иконѣ имѣется много такъ называемыхъ серебряныхъ привѣсковъ (воточъ) съ изображеніями сердца, рукъ, ногъ и глазъ, не отличающихся особенною художественностію отдѣлки, но свидѣтельствующихъ о благочестивомъ усердіи и вѣрѣ привесшихъ ихъ въ даръ Божіей Матери за полученные отъ Нея чудесныя исцѣленія; риза на иконѣ изъ серебра, а главы Божіей Матери и Предвѣчнаго Младенца украшены серебряными вызолоченными вѣнцами.

При окончаніи Божественной литургіи Архiepастыремъ было сказано экзекутомъ назидательное слово, изъ текста: „И ины овцы имаю, яже не суть отъ двора сего: и тыи мы подобаетъ привести: и гласъ мой услышать: и будетъ едино стадо и единъ Пастырь“, которое направлено было къ утверженію въ сердцахъ присутствовавашаго народа древняго ихъ православія, отъ котораго онъ нѣкогда былъ отторгнутъ и къ которому такъ еще недавно возвращенъ по милосердію къ нему Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, приводящаго, Ему Единому извѣстными путями, всѣхъ словесныхъ овецъ во едино стадо, котораго онъ есть единый верховный Пастырь. По окончаніи

литургіи отслуженъ былъ молебенъ Божіей Матери съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему Царствующему Дому, св. Синоду и сотворшему освященіе новосозданнаго храма Архiepастырю со всею Его Богохранимою паствою, и вслѣдъ затѣмъ Его Высокопреосвященствомъ розданы народу крестики и св. иконы, писанные на бумагѣ, которые принималъ онъ съ усердіемъ и любовію. Такъ окончилось торжество освященія годышевской церкви, которое на долго останется въ сердцахъ и памяти по истинѣ благочестиваго и ревностнаго къ своей вѣрѣ и Церкви малорусскаго народа! Дай Богъ, чтобы оно имѣло такое же вліяніе и на годышевскихъ мѣстныхъ прихожанъ, чтобы и они были столь же преданы православію и столь же усердны къ церкви, какъ ихъ сосѣди и единоплеменники причисленныхъ къ годышевской церкви двухъ деревень!

2. Ко дню освященія годышевской церкви прибылъ и начальникъ Ломжинской губерніи, который, вмѣстѣ съ начальникомъ Мазовецкаго уѣзда и его помощникомъ, сопровождалъ того же 26 апрѣля Его Высокопреосвященство въ г. Мазовецкъ, гдѣ уцѣлѣла бывшая нѣкогда уніятскою церковь, свидѣтельствующая о принадлежности жителей его къ православію, а потомъ совращенныхъ въ унію; но ко времени возсоединенія въ 1875 году уніятоѡвъ здѣшняго края мазовецкая церковь потеряла всѣхъ своихъ уніятскихъ прихожанъ, перешедшихъ въ латинство. Церковь эта каменная, небольшихъ размѣровъ, круглая, обѣ одною куполомъ, построена на обширной городской площади и служитъ немалымъ украшеніемъ г. Мазовецка. Въ настоящее время въ ней есть причтъ, состоящій изъ священника, діакона и псаломщика; приходъ ея составляютъ военные и гражданскіе чины, находящіеся на службѣ въ Мазовецкомъ и Островскомъ уѣздахъ, а также ее посѣщаютъ и квартирующія въ городѣ и окрестностяхъ его войска, такъ что церковь въ воскресные и праздничные дни бываетъ полна богомольцевъ. Мазовецкъ небольшой уѣздный городъ Ломжинской губерніи, но онъ имѣетъ предъ многими и весьма многими уѣздами привислянскихъ губерній, за исключеніемъ Люблинской и Сѣдлецкой, то важное преимущество, что въ немъ есть хотя небольшой православный храмъ, въ которомъ могутъ приносить свои моленія и благодаренія Господу Богу православные исповѣдники, а по другимъ многочисленнымъ уѣзднымъ городамъ Царства они лишены этой возможности, и нѣрѣдко по цѣлымъ годамъ не видятъ православнаго храма.

Архiepастырь въ мазовецкой церкви былъ встрѣченъ мѣстнымъ причтомъ и полковымъ священникомъ и, послѣ краткаго молебствія, по обыкновенію не оставилъ и здѣшнихъ православныхъ исповѣдниковъ, собравшихся въ довольно значительномъ числѣ, безъ назидательнаго слова и безъ архiepастырскаго благословенія.

Апрѣля 27 Его Высокопреосвященство, совершившій ровно въ двое сутокъ и освященіе годышевской и обзореніе мазовецкой церквей, возвратился благополучно въ Варшаву.

Ключарь, Протоіерей Кл. Чеховичъ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я.

ОТЪ КІЕВСКАГО ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА Д Л Я ПОСОБІЯ СЛѢПЫМЪ ВОИНАМЪ.

Въ концѣ 1879 года Кіевское Попечительство для пособія слѣпымъ воинамъ, обращалось съ приглашеніемъ къ человеколюбивымъ пожертвованіямъ на устройство убѣжища слѣпымъ въ Кіевѣ, съ цѣлю обученія ихъ мастерствамъ. Общества и частныя лица отвѣтили горячимъ сочувствіемъ и значительными жертвами на улучшеніе участи слѣпыхъ.

Не прошло и двухъ мѣсяцевъ, въ февралѣ мѣсяцѣ 1880 г. прибыли слѣпые, изъявившіе желаніе поступить въ создаваемое благотворительное учрежденіе. Прибыль и мастеръ, подготовленный къ дѣлу обученія слѣпыхъ мастерствамъ въ Петербургскомъ убѣжищѣ слѣпыхъ воиновъ. 9-го марта открыто Кіевское убѣжищѣ слѣпыхъ, а чрезъ нѣсколько дней кіевская публика увидѣла слѣпыхъ за работой. Успѣхъ дѣла превзошелъ ожиданія. Всѣ воочію убѣдились, что благотворительный трудъ существуетъ для слѣпыхъ, какъ и для зрячихъ. При помощи осязанія слѣпые быстро научились дѣлать маты и ковры изъ рогозы и ситника, плести стульные переплеты, а также и корзины изъ лозы и камыша самыхъ разнообразныхъ формъ и для различнаго употребленія. Въ послѣднее время слѣпые начали изготовлять корзины по лучшимъ заграничнымъ образцамъ; такъ что въ сентябрѣ мѣсяцѣ Попечительство для пособія слѣпымъ воинамъ нашло возможнымъ отправить издѣлія слѣпыхъ на Кіевскую выставку сельско-хозяйственныхъ произведеній. Комитетъ выставки удостоилъ присланныя издѣлія слѣпыхъ похвальнымъ отзывомъ. Въ то же время посѣтители выставки раскупили всѣ выставленныя издѣлія, что не мало оживило работниковъ-слѣпыхъ, убѣдившихся на опытъ, что имъ уже не придется протягивать руку за милостыней, не придется жить среди живыхъ мертвыми членами человѣческой семьи.

Кіевское Попечительство для пособія слѣпымъ воинамъ, радуясь такому успѣшному разрѣшенію задачи оказанія действительной помощи этимъ несчастнымъ, обратило вниманіе на упроченіе убѣжища слѣпыхъ въ Кіевѣ и на обезпеченіе его главнымъ образомъ постояннымъ помѣщеніемъ, которое было бы вполне приспособлено къ положенію слѣпыхъ и къ обученію ихъ мастерствамъ. Для этой цѣли Попечительство ходатайствовало объ отводѣ мѣста для постройки дома Кіевского убѣжища слѣпыхъ. Инженерное вѣдомство, сочувствуя улучшенію участи слѣпыхъ, отвело превосходное мѣсто для означенной цѣли, на пути изъ Кіево-Печерской лавры къ Царскому дворцу.

Но приступая къ постройкѣ дома для убѣжища слѣпыхъ, Попечительство не можетъ не предвидѣть тѣхъ затрудненій, которые долженъ неизбежно представить недостатокъ дене-

жныхъ средствъ для возведенія хотя бы даже самой скромной постройки. Оно не можетъ не сознавать, что домъ для слѣпыхъ могутъ воздвигнуть только тѣ благотворительныя руки человеколюбивыхъ жертвователей, которые положили первое основаніе убѣжища слѣпыхъ въ Кіевѣ. Вотъ почему Кіевское Попечительство для пособія слѣпымъ воинамъ, принося живѣйшую благодарность жертвователямъ за поступившія пожертвованія въ пользу убѣжища слѣпыхъ воиновъ въ Кіевѣ, священнымъ долгомъ считаетъ просить еще принести посильную жертву и на постройку дома для означеннаго убѣжища.

Благочестивые жертвователи! Отъ васъ зависитъ судьба учрежденія, созданнаго вашею любовію, учрежденія, положившаго своею цѣлю дать въ руки слѣпымъ могучее орудіе—трудъ, и тѣмъ облегчить и обезпечить ихъ горькое существованіе. Послужите же еще разъ святому дѣлу. И да будетъ трижды блаженъ разумъваяй на нища и убога. *Въ день лютъ избавитъ его Господь. Ибо милующій нищаго взаимъ даетъ Богови.*

Пожертвованія деньгами и вещами принимаются въ Кіевѣ, у казначея Попечительства Протоіерея Іильи Тихоновича Экземплярскаго, въ зданіи Коллегіи Павла Галагана.

Вышелъ изъ печати и поступилъ въ продажу „**РУКОВОДИТЕЛЬ ВЛАДИМІРСКИХЪ БОГОМОЛЬЦЕВЪ**“. Составилъ Василій Орловъ. Владимірь. 1880 года. (Стр. 1—118). Цѣна 35 коп. безъ пересылки, а съ пересылкою 40 коп.*). Адресоваться: въ „Редакцію Епархіальныхъ Вѣдомостей“, — въ губ. г. Владимірь.

*) Копѣйки можно высылать почтовыми (семикопѣчнаго достоинства) марками.

Содержаніе: Отдѣлъ I. Указъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода.—Изъ отчета г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода за 1879 г.—Объявленія и извѣстія: 1) Назначеніе новаго благочиннаго въ Ільскій округъ, перемѣщеніе священника изъ Ломазъ въ с. Потуржинъ и назначеніе настоятеля въ с. Перетунь; 2) Утвержденіе въ должности церковнаго старосты; 3) Къ свѣдѣнію духовенства относительно выписей изъ актовъ гражданскаго состоянія; 4) Приемъ воспитанниковъ въ холмскую духовную семинарію на 1881/2 учебный годъ.—**Отдѣлъ II.** Рѣчь предъ панихидою въ годовщину смерти благочестивѣйшей Государыни Императрицы Маріи Александровны, сказанная въ варшавскомъ кафедральномъ соборѣ 22 мая 1881 г. Высокопреосвященнымъ Леонтіемъ, Архіепископомъ холмско-варшавскимъ.—Памяти въ Бозѣ почившей Государыни Маріи Александровны.—Римскій догматъ о непорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы, прот. А. Лебедева (продолженіе).—Извѣстія и замѣтки: Освященіе Годышевской и посѣщеніе Мазовецкой церквей.—Объявленія.

Редакторы: Священникъ А. Демьяновичъ.
Священникъ А. Будилевичъ.

Печатать дозволяется. — Варшава, 29 мая 1881 года. — Цензоръ, ключарь протоіерей Н. Чеховичъ.
Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа, Королевская № 11.